

52545

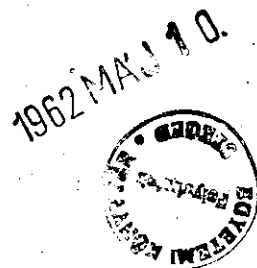
472

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

ACTA JURIDICA ET POLITICA

**Tomus VIII.
Fasciculus 10.**

**SZEGED
HUNGARIA
1961.**

A SZEGEDI TUDOMÁNYEGYETEM ÁLLAM- ES JOGTUDOMÁNYI KARÁNAK 1949 ÓTA MEGJELENT KIADVÁNYAI

Acta Universitatis Szegediensis Sectio Juridico-Politica Series Nova

Tomus I.

Fasc. 1. Buza László: *A nemzetközi közhatalom szervezete az Egyesült Nemzetek Alapokmánya szerint* (Szeged, 1949.) 26 l.

Fasc. 2. Martonyi János: *Jogászképzés és jogász hivatások a Szovjetunióban* (Szeged, 1949.) 24 l.

Fasc. 3. Kelemen László: *Néhány kérdés a képviselő köréből* (Szeged, 1950.) 32 l.

A felszabadulás 10. évfordulójára tartott előadások

Buza László: *A felszabadulás és Magyarország nemzetközi jogi szuverenitása* (Szeged, 1954.) 16 l.

Acta Universitatis Szegediensis Sectio Politico-Juridica

Tomus I.

Fasc. 1. Bólya Lajos: *A törvényesség kérdései a büntető eljárásban* (Szeged, 1955.) 20 l.

Fasc. 2. Horváth Róbert: *Az 1945—46-os magyar infláció elméleti kérdései 10 évi tudományos fejlődés távlatában* (Szeged, 1955.) 20 l.

Fasc. 3. Pólay Elemér: *A nevelő funkció és a szegedi megyei bíróság házassági törvénykezése a népi demokrácia 10 évében* (Szeged, 1955.) 27 l.

Fasc. 4. Both Ödön: *Az 1848. évi sajtótörvény létrejötte (A sajtószabadság problémája Magyarországon a reformkorban)* (Szeged, 1956.) 65 l.

Tomus II.

Fasc. 1. Schultheisz Emil: *A látszólagos halmazat* (Szeged, 1956.) 24 l.

Fasc. 2. Perbír József: *A mezőgazdasági termelőszövetkezeti tagok munkajogviszonyának néhány elvi kérdése* (Szeged, 1956.) 34 l.

Fasc. 3. Pólay Elemér: *A római végrendelet eredete* (Szeged, 1956.) 47 l.

Tomus III.

Fasc. 1. Buza László: *A törvényesség és az igazságosság elve a nemzetközi jogban* (Szeged, 1957.) 56 l.

Fasc. 2. Martonyi János: *A lakosságadóztatási eljárás szabályozása* (Szeged, 1957.) 27 l.

Fasc. 3. Antalfy György: *Platon és Aristoteles a »tökéletes« állami és társadalmi szervezeti formákról* (Szeged, 1957.) 38 l.

Fasc. 4. Pólay Elemér: *A római jogrendszer tagozódásának kérdése* (Szeged, 1957.) 31 l.

Fasc. 5. Horváth Róbert: *Fényes Elek, a haladó magyar statisztikus és reformer (1807—1876)* (Szeged, 1957.) 27 l.

Fasc. 6. Szentpéteri István: *A tanácsok megalakulása és jogi szabályozása a Tanácsköztársaságban* (Szeged, 1957.) 38 l.

Tomus IV.

Fasc. 1. Both Ödön: *Szeged város büntetőbíráskodása 1848-ban* (Szeged, 1958.) 63 l.

Fasc. 2. Némethi László: *A mezőgazdasági termelőszövetkezetek mintaalapszabályának jogforrási jellege* (Szeged, 1958.) 20 l.

Fasc. 3. Horváth Róbert: *Egy ismeretlen politikai aritmetikus: Hatvani István professzor (1718—1786)* (Szeged, 1958.) 44 l.

52545

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

ACTA JURIDICA ET POLITICA

Tomus VIII.

Fasciculus 10.

Профессор университета

ДЬЕДЬ АНТАЛФИ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПРАКТИКИ КАПИТАЛИЗМА
К ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВА „БЛАГОДЕНСТВИЯ”

СЕГЕД

1961 г.

Redigunt

GYÖRGY ANTALFFY, ÖDÖN BOTH, LÁSZLÓ BUZA, ISTVÁN KOVÁCS,
JÁNOS MARTONYI

Edit

Facultas Scientiarum Politicarum et Juridicarum Universitatis Szegediensis

Nota

Acta Jur. et Pol. Szeged

Szerkeszti

ANTALFFY GYÖRGY, BOTH ÖDÖN, BUZA LÁSZLÓ, KOVÁCS ISTVÁN,
MARTONYI JÁNOS

Kiadja

A Szegedi Tudományegyetem Állam- és Jogtudományi Kara
(Szeged, Lenin krt. 50.)

Kiadványunk rövidítése

Acta Jur. et Pol. Szeged

Felelős kiadó: Kovács István

Megjelent 500 példányban

Szegedi Nyomda V. 62-165

Концепция государства «благосостояния» является буржуазно-реформистской «альтернативной» государства социалистического типа и совсем не новый и не оригинальным элементом буржуазных, а также реформистских и в то же время ревизионистических теорий о государстве. Понятие государства «благосостояния» по существу направлено на идеологическое разрешение внутренних противоречий общественно-экономической системы капитализма; его пытаются использовать в качестве идеологического инструмента для того, чтобы избежать преобразования капитализма, воспрепятствовать развитию и победе социалистической революции, т. е. созданию общественно-экономической формации социализма.¹

Теория государства «благосостояния» связана со взглядами правых социал-демократов, к ним уходят ее корни, но в детальном ее развитии большую роль сыграл также новый буржуазный либерализм.² Теория государства «благосостояния» родилась с целью указать как бы третий путь между общественно-экономическими системами капитализма и социализма. Эта теория направлена против диктатуры пролетариата, и, с другой стороны, предполагает такую форму или общественно-экономическую формацию, которая призвана благоприятно совместить интересы личности и коллектива.³

Объективную основу, на которой сформировалась теория государства «благосостояния», следует искать в тех уступках, которые буржуазия была вынуждена сделать вследствие борьбы рабочего класса. Эти уступки проявляются прежде всего в области социальной политики, в так называемом социальном законодательстве.

Необходимо, таким образом, исследовать объективную основу, на которой зиждется государство «благосостояния» и другие подобные теории. Нужно проанализировать законоположения, отражающие эти уступки, их сущность, характер их применений, а также другие т. н. «социальные» мероприятия.

Рассмотрим прежде всего в Англии объективную основу, из которой выросла легенда государства «благосостояния». В самой тесной связи с этими уступками находится теория английского либерал-социализма, тесно связанная с понятием госу-

¹ Туманов В. А.: «Буржуазно-реформистская теория „государства всеобщего благосостояния“. «Советское государство и право». 1959 г., 10, 11 стр. 79—91.

² Нейман Роберт: «Theorie und Praxis des Neoliberalismus» («Теория и практика нелиберализма»), Берлин, 1957 г., стр. 11, 56 и далее.

³ См. Фридман В.: Law and social change in contemporary Britain. («Закон и социальные изменения в современной Британии»), Лондон, 1951, Папт, I, стр. 133—149. Жувенел Б.: L'apport des théories du «welfare» a la théorie politique normative. («Вклад теорий „благосостояния“ в нормативную политическую теорию») Escon, appl. 5, 1952. (4) стр. 411—428. Йор В. А.: The welfare state in the light of economics and political ethics. («Государство благосостояния в свете экономики и политической этики») Politeia, 4. 1952, (2—3), стр. 151—171. Марканд Х.: The welfare state in Britain. («Государство благосостояния в Британии»). Pakistan Horizon 6, 1953. (I), стр. 3—10. Робсон В. А.: Law and the welfare state. («Закон и государство благосостояния») Publ. Administration 31, 1953, (I), стр. 17—24. Дэл-Р. А.—Линдблом Ц. З.: Politics, economics and welfare. Planning and politico-economic systems resolved into basic social process. («Политика экономика и благосостояние. Планирование и политико-экономические системы в основном социальном процессе»). Нью-Йорк, 1953. Harper and Bros. стр. 557. Взгляды вышеприведенных авторов находятся в тесной связи со взглядами буржуазного экономиста Д. М. Кейнса, а также Кола и Стречен.

дарства «благоденствия». Наши исследования, однако, необходимо распространить и на другие страны, так например, нельзя отказаться от рассмотрения специфических венгерских условий, рассматривая одновременно эпоху классического капитализма и империализма (фашизма).

Корни идеи «государства благоденствия» уходят глубоко, почти до времени формирования общего способа производства, однако лишь после формирования империализма, или одновременно с ним она получает формулировку и лишь после второй мировой войны занимает место среди важнейших инструментов-арсенала буржуазной идеологии. В связи с этим следует сослаться на столь характерный, хотя и упоминающийся в последнее время все реже продукт послевоенной концепции государства благоденствия. Закон о народном обеспечении, изданный в Англии на основе плана Бевериджа, явился шагом вперед по сравнению с прежним в следующих отношениях: он объединил распыленную систему страхования, распространил ее, увеличил ренту и распространил свое действие на всех граждан государства. Этот закон явился новым доказательством того факта, что английская буржуазия является не только наиболее старой, но и наиболее хитрой буржуазией в мире.

План Бевериджа родился во время мировой войны, когда английский рабочий класс также предпринимал огромные усилия в интересах победы над фашизмом. Он делал это в надежде на то что по окончании войны старый мир не вернется нетолько в фашистских государствах, но и в Англии. По окончании войны господствующий класс в интересах «социальной безопасности», а по существу в интересах безопасной эксплуатации решился на некоторые жертвы. Лорд Беверидж был призван обеспечить британским трудящимся либеральную безопасность, и капиталистическая, а также право-социалистическая печать проливали по этому поводу слезы умиления. План Бевериджа был создан под влиянием возросшего веса рабочего класса и постольку является продуктом классовой борьбы. Однако план Бевериджа в то же время нечто большее, он является не только продуктом классовой борьбы, но и его оружием. Планом и осуществленным лейбористскими руководителями-предателями законом в основу системы страхования была поставлена такая система уплаты взносов, которая была призвана прикрывать именно классовую борьбу, противоречия между классами.

Капитализм периода свободной торговли громкогласно провозглашал, что на рынке труда капиталист и рабочий, владельцы средств производства и рабочей силы производят обмен как равные и свободные лица. Свобода и равенство провозглашались в отношении как лишенного средств производства рабочего, так и утопающего в свободе эксплуатации капиталиста. Современная английская буржуазия и сегодня не дает ничего большего, как безвкусное повторение лозунга свободы и равенства. Равенство! — восклицает она и в плане Бевериджа, а также в законе «уравнивает» взнос рабочего и генерального директора. Но рабочий при этой системе платит в среднем в два раза больше, чем ранее. Но он платит не только лишь настолько больше. Согласно сэру Рональду Девисону, одному из коллег лорда Бевериджа: «В будущем общество несомненно сможет оплачивать более удовлетворительные, чем в настоящее время, (т. е. предыдущее новой системе. Д. А.) социальные услуги, даже если затраты будут больше. В случае незначительного роста продуктивности общества общие затраты социальной безопасности (т. е. плана Бевериджа. Д. А.) все же достигали бы 10 процентов национального дохода. Кроме того, эти 10 процентов не означали бы дополнительного потребления, а лишь смещения потребительской и покупательной силы, главным образом в горизонтальном направлении, т. е. в кругу многих миллионов семей, располагающих более скромными средствами. Члены этих семей, мужчины и женщины, будут покрывать 85 процентов затрат в форме взносов, прямых и косвенных налогов.»⁴

План Бевериджа, а также его осуществление доказывают, что на фундаменте капиталистической экономики социальная политика также может быть только капиталистической. Классовая борьба рабочих может вынудить социальные мероприятия, однако их осуществление будет происходить всегда на капиталистический лад. Это, конечно, не означает, что рабочие при капитализме не должны бороться за осуществление социальных мероприятий. Ленин пишет в «Государстве и революции»:

⁴ Дэвисон Рональд: «Социальное обеспечение в Великобритании, История британского социального прогресса и план Бевериджа». Лондон, 1945. Джордж Д. Harrap and Company Ltd. стр. 57.

«Современные наемные рабы в силу условий капиталистической эксплуатации остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни устранено.»⁵

Социальная политика в рамках капиталистического государства может иметь лишь одну цель: обеспечить пролетариату такие условия жизни, при которых он имеет возможность участвовать в общественной и политической жизни, имеет время заниматься своим образованием, чтобы стать сознательным, вооруженным теорией солдатом классовой борьбы.

Социальная политика капиталистов, однако, преследует совсем не эту, а как раз обратную цель. Они маскируют свои цели дождю и обманом. Они отрицают тот факт, что кризисы и нищета являются неизбежными спутниками капиталистического производства, согласно им это — случайные явления, и они утверждают, что в рамках капиталистического строя и даже только там есть выход из постоянно возрастающих кризисов, безработицы и связанной с ними ужасающей нищеты. Целью капиталистической социальной политики является как раз прельщать нищих надеждой и при помощи копейных жертв смягчать обостряющиеся из дня в день противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Так например, согласно Фаркашу Хеллеру целью социальной политики наряду с распознаванием вредного характера классовых противоречий является их возможное смягчение. Согласно другому автору «общественная эволюция грозит взорвать и общественные рамки. Взаимное отношение общественных классов грозит также универсальности общества, и поэтому задачей вмешательства со стороны государства является умерить противоречия между общественными классами при помощи политики уравнивания. Этой межклассовой, уравнивающей деятельностью является социальная политика государства, цель которой... найти среди противоречий отдельных общественных классов выход через уравнивание.»⁶ Целью социальной политики капиталистического государства, следовательно, является спасение самого капиталистического государства.

Если можно, еще более открыто разоблачает социальную политику капитализма Золтан Бенч, главный идеолог Белы Имреди, в своем докладе, прославляющем итальянский фашизм: «Социальная политика является планомерной, разумной, обдуманной и решительной деятельностью, ... используемой каждым здоровым общественным и государственным строем в качестве самозащиты от имеющихся везде микробов и бактерий, способных в любом общественном строе... увеличивать массу недовольных, причем даже до такой массы и силы, которые способны разрушить само общество и государство ... невозможно изменить склад ума, строй мыслей, рассуждения нищенствующих масс в отношении того, что существующий общественный строй, в котором им приходится нищенствовать, хорош, при помощи благотворительности и филантропии. Их можно изменить, только беря идеалом социальной политики не доброго человека, не доброго капиталиста, а умного капиталиста. Того умного капиталиста, о котором Муссолини так хорошо сказал в своем выступлении в 1922 или 1923 году: «интеллигентному капиталисту нечего ждать от нищеты». А почему заботиться о том, чтобы менее имущие классы, классы, подчиненные в материальном отношении, находили средства к жизни при общественном строе, обеспечивающем капиталисту благосостояние и весьма выдающиеся распределение благ.»⁷

История, однако, доказала, что даже муссолиниевскому «умному» капиталисту не удалось составить нищих поверить в то, что хорош тот общественный строй «который» обеспечивает капиталисту благосостояние и весьма выдающееся распределение благ», а трудящимся нищету и войну. Такова во всяком случае цель господствующего класса, и в этой цели он находит союзников в лице ревизионистов, рефор-

⁵ Ленин В. И.: Сочинения, т. 25, изд. 4-е, Москва 1950, ИМЭЛ, стр. 1432.

⁶ Матеович Ференц: «Nemzetközi szociálpolitika» («Международная социальная политика»), т. 1. Szociálpolitikai Szervezet, («Социально-политическая организация») Szombathely, 1934, издание автора, стр. 31—32.

⁷ Бенч Золтан: «A fasizmus szociálpolitikája. — A mai magyar szociálpolitika». («Социальная политика фашизма. — Сегодняшняя венгерская социалистическая политика»). Лекции курсов по повышению квалификации административного аппарата в 1939 г. Будапешт, 1939, стр. 113:

мистов и всяких оппортунистов. Капиталисту все рано, отказывается ли рабочий класс от социализма, или же ждет мирового востания в социализм.

Коммунистические партии во всем мире ведут борьбу не только против империалистической агрессии, но и против политики обмана. Арсенал тактических средств империалистического лагеря весьма разнообразен. Он в одинаковой мере применяет открытое запугивание насилем, блеф и шантаж, политическими и экономический нажим, самые различные методы подкупа, использует внутренние противоречия и разногласия для укрепления собственных позиций и все это прячет под либеральной, пацифистской маской, служащей для обмана неоскушенных в политике людей.

Коммунисты, однако, везде срывают маску с капитализма и просвещают народ. Они учат его не верить трескучим фразам и уметь распознавать, что под ними скрывается — эгоистические интересы капитала. Согласно Ленину: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов».⁸

Капиталистическая социальная политика, таким образом, обязана своим существованием не великодушному классу или великодушным людям. Как само производство подчинено принципу рентабельности, точно так же подчиняется ему и социальная политика. Подобно тому, как главной целью капиталиста является не увеличение продуктивности производства, а обеспечение для себя как можно большей прибыли, точно так же целью его социальной политики является не охрана здоровья трудящихся и обеспечение им лучшей жизни, а обеспечение и стабильности строя. За социально-политическими мероприятиями и окружающими их фразами всегда можно найти эгоистические интересы капитала.

II.

Только просматривая всю историю капитализма, раскрывается полностью лицемерие класса капиталистов и настоящая сущность его социальной политики.

Развитие капитализма в различных государствах началось не в одно и то же время. Способ того, однако, как оно началось, был везде одинаковым: «... процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и средства жизни в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих.»⁹

В странах Западной Европы изгнание населения уже в XV столетии приняло такие размеры, что дороги были заполнены крестьянами, ставшими нищими, разбойниками, бродягами, «Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества... Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых уже не существующих условиях».¹⁰ В Англии до Генриха VIII довольствовались наказанием плетью, он, однако, дополнил, наказание плетью в случае рецидива отрезанием ушей, а в случае повторного рецидива наказанием являлась смерть, полагавшаяся изменникам. Эти законы с не затрагивавшими сущности изменениями оставались в силе до начала XVIII века как наиболее характерные социально-политические порождения капитализации. Хотя в период царствования Генриха VIII. таким образом было повешено приблизительно 72 000, а во время Елизаветы ежегодно 300—400 немущих, бедность все же ликвидировать не удалось. Елизавета была вынуждена издать закон о бедных, согласно которому нуждавшиеся в том бедняки должны были получать пособие. «На пособие, однако, мог рассчитывать лишь член общины, имеющий

⁸ Ленин, В. И.: Соч. т. 19, стр. 7—8.

⁹ Маркс К.: «Капитал, Критика политической экономии» т. I, книга первая. «Процесс производства капитала», Москва, Госполитиздат, 1949, стр. 719.

¹⁰ См. примечание 9, стр. 738.

оседлость»¹¹ Именно поэтому «общины старались отгородиться от всякого, кто соби- более продолжительный наем влек за собой оседлость, — рабочих не нанимали, чтобы димого для того, чтобы прожить. Батраков нанимали лишь на короткий срок, так как более продолжительный наем влек за собой оседлость, рабочих не нанимали, чтобы они случайно не осели. Если проезжала женщина с подозрительным объемом живота, ее провожала боязнь, как бы она не подарила жизнь новому гражданину мира в принципах села, общины, что дало бы ему право там осесть; беременных беднячек уговорами или обманом уводили на границу соседней общины, лишь бы она не дома рожала нового потребителя налога в пользу бедных.»¹² Были такие общины, где жило больше бедняков, получавших пособие, чем граждан, уплачивавших налог в пользу бедных. Налоговое бремя последних возросло настолько, что достаточно было болезни или любого другого бедствия, чтобы они также попали в число получающих пособие. И все же для ликвидации этого невозможного положения не было сделано ничего, пока экономическая жизнь не потребовала урегулирования. В XVIII веке промышленность была завоевана машиной. Система, препятствовавшая переселению, кочевке бедняков, серьезно затрагивала интересы начавших развиваться промышлен-ности, торговли, сельского хозяйства. В некоторых местах рабочих нельзя было полу-чить ни за какие деньги, в то время как в бедных районах, общинах народ чуть не умирал с голоду за неимением работы, заработка. Прежнее положение не могло дальше сохраняться, и теперь было испытано осуществление нового принципа, так называемой системы компенсации. (Allowance System.)¹³

Эта система с незначительными изменениями сохранялась до 1834 года. Она со-стояла в том, что заработная плата рабочего, зарабатывавшего меньше, чем прожиточный минимум, дополнялась за счет фонда бедных. Цель закона заключалась в том, чтобы работоспособные бедняки также получили работу и, таким образом, с одной стороны, был обеспечен отлив излишнего населения бедных районов, и с другой, облегчен недостаток рабочей силы. Результатом же явилось то, что бесвестные фабриканты, уволив своих рабочих, вновь нанимали их, но теперь уже за плату, не достигавшую прожиточного минимума. В промышленных райо-нах эта система вследствие более высокой сознательности рабочего класса не смогла пустить корни, в сельском хозяйстве, однако, заработная плата рабочих везде упала ниже прожиточного минимума. О росте пауперизации говорит тот факт, что если в 1750 году расходы по закону о бедных составили 700 000 фунтов стерлингов, то в 1755 году они возросли до полутора миллиона, в 1780 году — до 4 миллионов, а в 1818 году до 8 миллионов фунтов. Необходимо заметить, что эта система отнюдь не устранила главный недостаток предыдущей системы — обуслов-ленность получения пособия принадлежностью к общине и оседлостью.

Новым законом, введенным в 1834 году, аннулируется система компенсации, а мелкие приходы преобразуются в отношении закона о бедных в более крупные районы. В интересах каждого прихода продолжало входить ограничение числа сельскохозяй-ственных рабочих поселявшихся на его территории, ибо сельскохозяйственная ра-бота не обеспечивала прожиточного минимума, и поэтому их оседание означало бы увеличение налога по закону о бедных. В результате этой системы помещики старались освободиться от обязанностей по отношению к беднякам, живущим в их поместье, разрушая их дома. Сельскохозяйственные рабочие были вынуждены переселяться в одно из близлежащих так называемых открытых сел, если их там принимали, и ходить на работу за многие километры. Переполненность квартир в свободных селах достигла невиданных до тех пор размеров.

Разрушение поселений неизвестно и в Венгрии. Дело в том, что ранее по-мещики для ликвидации недостатка рабочих создавали в своих поместьях так назы-ваемые деревни-поселения. Помещик давал деревне землю, а дома строились посе-ленцами, и таким образом, дом являлся их собственностью.

¹¹ Йозеф Фодор: «Közegészségügy Angolországban, tekintettel az orvosügyre, or- vosi rendszere és törvényszéki orvosi ügyre, valamint a hazai viszonyokra.» («Здравоохранение в Англии с освещением положения медицины, медицинской адми- нистрации, судебной медицины, а также отечественного положения», Magyar Orvosi Könyvkiadó Társulat Будапешт, 1873, стр. 356.

¹² См. прим. 11, стр. 356—357.

¹³ См. прим. 11, стр. 357.

Закон 1873 года о поселениях, по крайней мере на бумаге, предоставлял поселенцам возможность выкупать участок, занятый домом, и принадлежащие к нему имуществом. Помощники защищались против этого путем разрушения домов и изгнания поселенцев. Разрушения жилищ не прекращаются, конечно, и при господстве Хорги. В поместье Паллавичини в 1926 году разрушают Доц. Большим поселениям вообще не дают развиваться, но даже небольшое Широходь не дает покоя помещику, и в 1934 году поджигают дома 10 семей. Помещикам гораздо более подходила *идеальная* община, объединявшая разрозненные поселения. Идеальная община являлась, по существу, реорганизованным земским судом. Его писарь получил квартиру и снабжение от поместья, судья и коллеги депутатов являлись если не прямыми служащими поместья, то во всяком случае были ему обязаны.

Новым законом о бедных, введенным в Англии в 1834 году, расходы, возросшие уже до 10 миллионов фунтов стерлингов, сократились до шести миллионов. Число бедняков, однако, неизменно росло. 1 июля 1856 года в Англии, не считая Лондона, насчитывалось 752 170 лиц, получивших пособие. «Поскольку каждое лицо получает пособие в среднем лишь в течение трех-четырех месяцев, число всех получающих пособие в течение года в три-четыре раза превышает число получающих пособие ежедневно, т. е. достигает $2\frac{1}{2}$ —3 миллионов».¹⁴ Но, пожалуй, уже вышесказанное соответствующим образом иллюстрирует социальные проблемы классического капитализма. Вместо продолжения укажем на то, что при империализме это положение, правда, при других условиях по существу, не изменилось, вернее, продолжало обостряться.

В 1911 году проблема бедности была расследована парламентской комиссией. Членами этой комиссии в числе прочих были Сидней и Беатрис Вебб, писавшие, между прочим, о своих наблюдениях следующее: «Это печальная действительность, что в Англии постоянно живет три-четыре миллиона людей разного пола и возраста, которые за недостатком самого необходимого питания чахнут физически и душевно, если только временно не имеется общественного или частного пособия».¹⁵

Эти данные, однако, не отвечают полностью действительности. Дело в том, что «официальная статистика становится все более обманчивым показателем действительных размеров пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих... ужасающее увеличение числа случаев смерти от голода... в Лондоне за последнее десятилетие безусловно доказывает рост отвращения рабочих к рабству работных домов, этих карательных учреждений для нищеты».¹⁶

Часть рабочих, однако, предпочитала голод скорее, чем связь с учреждениями для бедняков, что было связано с варварским обращением с бедняками.

III.

Рабочий является для капиталиста самым необходимым средством производства. С этим связаны первые «социальные» мероприятия капиталистического государства. К концу XVIII века эксплуатация достигла в Англии таких размеров, что более дальновидные капиталисты, видя неразумное потребление «самого необходимого средства производства», стали требовать его ограничения. Из-за эксплуатации детей следовало опасаться, что вследствие ранней смертности среди детей и малолетних развивающаяся промышленность вскоре не будет получать достаточного числа взрослых рабочих. В XVIII. веке обычно детьми лиц, ходатайствовавших о предоставлении пособия по бедности, до достижения ими 21 года распоряжалась община. Детей, как только они начинали ходить, посылали в мастерские. Большинство детей погибло в течение одного-двух лет, но число их было так велико, а ценность так мала, что об этом никто не печалился. С развитием промышленности, однако, все же появилась необходимость рационализировать применение этих несчастных малышей. Ввиду их

¹⁴ См. прим. 11, стр. 364.

¹⁵ Сидней Вебб—Беатрис Вебб: «A szegénység problémája» («Проблема бедности»), Будапешт, Реваи, стр. 14.

¹⁶ См. прим. 9, стр. 659.

массовой гибели, начиная с 1767 года их берут на работу только с шести лет. Дома бедности прямо-таки организуют их распродажу среди фабрикантов и владельцев шахт. Не только дома бедности, но и многие родители продают своих детей. Зарботной платы родителей нехватало на содержание детей, да и безработица охватывала все большие массы. Армия же рабочих-детей, в свою очередь, становилась источником нищеты родителей. Дети, несмотря на свой юный возраст, работали по 12—16 часов, зачастую в глубине шахт. На эти ужасы проливает свет отчет Комиссии детского труда (Чилдренс Эмплоймент Комишн) за 1842 год, содержащий следующие показания восьмилетней девочки: «Я должна следить за откидной дверью в темноте, и я боюсь. Я начинаю работать в четыре утра, а то и в половину четвертого и выхожу в пять, половину шестого вечера. Я никогда не сплю. Иногда, если у меня есть свет, я пою, но в темноте нет: в темноте я боюсь.»¹⁷

В 1802 году был создан первый закон, регулирующий детский труд. Наиболее характерным для него является то, что он касается только фабричных учеников и распространяется только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность. Рабочее время детей ограничивается 12 часами. Результатом его явилось всего лишь то, что фабриканты после этого не нанимали учеников, а лишь так называемых «свободных детей», на которых закон не распространялся. В 1819 году никем не соблюдаемый закон распространяется на всю текстильную промышленность и устанавливается, что нанимать детей можно начиная с девятилетнего возраста. Наблюдение же за выполнением закона возлагалось на мэров и священников. Мэры, однако, смотрели сквозь пальцы на мучения, которым подвергались дети, а священники из-за небесных дел не замечали земные, да и, в конце концов, ведь не измученные же дети содержали своими приношениями церковные приходы.

Малолетним детям работать по 12—16 часов в день, естественно, стоило огромных усилий, они часто засыпали во время работы или опаздывали утром к началу работы. «Было физически невозможно поддерживать в действии такую систему без применения террора... Согласно показаниям одного свидетеля перед комиссией Садлера, он знал одного ребенка, который приходил домой в одиннадцать часов ночи, с ужасом вставал в два часа ночи и тащился к воротам ткацкой фабрики. На многих ткацких фабриках не проходит и часа без побоев и криков боли... Во второй половине дня работа напрягалась настолько, что крепка железная палка, известная под названием «цилиндрический приятель» находилась постоянно в применении... На одной из ткацких фабрик, владелец которой по имени Готт запретил применение надзирателями чего-либо, кроме розог, пробовали удерживать детей, работающих с пяти утра до девяти часов вечера, от сна тем, что их заставляли петь гимны.»¹⁸

Между тем Роберт Оуэн превращает свою нью-лэнарскую фабрику в образцовую колонию, где «пынство, полиция, уголовные суды и процессы попечительства о бедных стали неизвестными явлениями. Он достиг своей цели единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном... Рабочий день был сокращен в Нью-Лэнарке до 10½ часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась до 13 и 14 часов... И при всем этом стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход.»¹⁹ Оуэн начал вести огромную пропаганду в интересах того, чтобы его социальные мероприятия были распространены на всю английскую и, более того, всю мировую промышленность. Результатом его борьбы, однако, явился всего лишь худосочный закончик 1819 года.

В 1916 году манчестерский фабрикант Джордж Ли также выступил за законы о защите рабочих. Он заявляет, что имеется необходимость в законе о защите рабочих, причем и эмиграции рабочих. Это же побуждение заставляет позже капиталистов эпохи империализма создавать при предприятиях социальные учреждения. Они создаются прежде всего на тех предприятиях, где большинство рабочих имеет высокую

¹⁷ Рассел, Бертран: «Egy évszázad élettörténete» («История жизни одного столетия») (1814—1914), т. I, Будапешт, 1936, Ревай, стр. 98.

¹⁸ См. прим. 17. стр. 96—97.

¹⁹ Энгельс, Фридрих: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом (Анти-Дюринг) Госполициздат. 1938, стр. 214.

квалификацию и их замена в случае необходимости связана с трудностями, или же на предприятиях, расположенных вдали от крупных городов, где в интересы капиталиста также входит привязать рабочего к месту, Ли однако заявляет также что национальное законодательство недостаточно, защиту прав рабочих необходимо урегулировать также в международном отношении, ибо в противном случае вместо рабочих из страны будет эмигрировать капитал. Дело в том, что наложило свою печать на всю деятельность основанной после первой мировой войны Международной организации труда.

Как пропаганда Оуэна, так и предложение Ли остались безрезультатными. Лишь в 1833 году был издан новый закон о защите прав детей. Общественным фоном явилась борьба помещиков и промышленных капиталистов, консерваторов и либералов, протекавшая вокруг хлебного закона. «Существует старинная английская поговорка, что, если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда получится что-нибудь полезное. И в самом деле, шумный страстный спор между двумя фракциями господствующего класса по вопросу о том, какая из них с наибольшим бесстыдством эксплуатирует рабочих, и справа и слева содействовал выяснению истины. Граф Шафтсбери, иначе лорд Эшли, стоял во главе аристократического филантропического похода против фабрик.»²⁰ Аристократы указывали на бесчеловечность фабричной системы и торопили с принятием законов о защите рабочих, чтобы привлечь рабочих на свою сторону в борьбе, направленной на сохранение хлебных законов. Фабриканты же говорили рабочим: ваша заработная плата низка, но лишь потому, что вследствие хлебных пошлин хлеб дорог. Требуйте и вы ликвидации защитных пошлин, и тогда за эту же заработную плату у вас будет больше хлеба. После 1846 года, когда, хлебный закон, наконец, был отменен, цена на хлеб действительно подешевела. Рабочий, несмотря на это, не мог покупать больше хлеба, так как сразу же поторопились сократить его заработную плату.

Эта борьба принесла все же пользу в том отношении, что она обратила внимание на фабричную систему и закон 1833 года поручил контроль за выполнением закона малочисленным, но оплачиваемым инспекторам. Продолжительность рабочего дня была определена с половины нестого утра и до половины девятого вечера, причем в отношении детей в возрасте от 13 до 18 лет она была ограничена 12 часами, в возрасте от 9 до 13 лет — 8 часами, а наем детей, недостигших девяти лет, был запрещен. Однако и этот закон, подобно закону 1819 года, распространялся лишь на текстильную промышленность, а именно на шерстяную, льняную, шелко-ткацкую и хлопчатобумажную промышленность. Исполнение же его должно было начаться лишь постепенно, несмотря на то, что знаменитые лондонские терапевты в своих показаниях парламенту заявили, что промедление связано с опасностью. Один из них в числе прочего заявил: «Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она не причинялась, а этот способ (фабричный способ) следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения.»²¹ В 1844 году принимается дополнительный фабричный закон, распространяющий ограничение рабочего дня в упомянутых отраслях промышленности также на женщин, рабочее время детей в возрасте до 13 лет определяется в размере шестнадцати с половиной часов, зато возрастной предел детей, чтобы возместить капиталистам потерянные таким образом рабочие часы, сокращается с 9 до 8 лет. В 1846 году ограничение распространяется и на другие отрасли промышленности, так например, на ситценабивную промышленность, где рабочий день женщин и детей в возрасте от восьми до тринадцати лет ограничивается 16 часами. Еще ранее, в 1842 году запретили применение труда женщин и детей на подземных работах на шахтах.

Как видно, законодательство, хотя и медленно, но все же проявляло прогресс. Одно дело, однако, принять закон, а другое — его выполнять. Инспекторы редко попадали на фабрику, и фабриканты находили тысячу и один способ обойти закон. Если их все же на этом ловили, классовый суд выносил или оправдательный или такой мягкий приговор, что прибыль от несоблюдения закона с лихвой их компенсировала. Именно в это время публиковались объявления, в которых искали детей, кажущихся тринадцатилетними. В капиталистах жил безграничный голод по дешевой рабочей силе. Женщины вытесняли мужчин, а дети взрослых. В 1839 году, например,

²⁰ См. прим. 9, стр. 681.

²¹ См. прим. 9, стр. 285.

состав 419 650 промышленных рабочих по возрасту и полу выглядел следующим образом:²²

	В ‰ к общему числу	
Рабочие в возрасте до 18 лет	192 887	45,8
Рабочие старше 18 лет	226 673	54,2
Девушки и женщины	242,296	57,3
Мальчики и женщины	177 364	42,7
Женщины в возрасте до 18 лет	112 192	26,7
Мужчины в возрасте до 18 лет	80 695	19,1
Женщины старше 18 лет	130 106	30,6
Мужчины старше 18 лет	99,669	23,6

Как видно, из таблицы из 419,560 рабочих, занятых в промышленности, число мужчин старше 18 лет составляло всего лишь 96 669 или 23,6 процента.

Согласно переписи населения 1867 года также на 308,273 мужчины заводских рабочих приходилось 467,261 работниц и 59,323 ребенка в возрасте до одиннадцати лет. В это же время число бедняков, состоявших на учете властей, составляло 1.231.00.²³ Это объясняет тот факт, что ужасы, наблюдавшиеся в промышленности, ничуть не уменьшились. В отчете Комиссии по детскому труду за 1863 год публикуются показания одного рабочего: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу (на обойную фабрику — Д. А.), и он работал обыкновенно по 16 часов!... Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти, от нее, ни остановить ее».²⁴

Эта же комиссия установила, что «на одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжался с 6 часов утра до 5½ часов вечера, один мальчик работал четыре ночи еженедельно по меньшей мере до 8½ часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев». «Другой, в десятилетнем возрасте работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте — два дня и две ночи подряд». «Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжении трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжении остальных ночей»,²⁵ и т. д., почти до бесконечности. Комиссия сообщала не о редких исключениях, а том, что было закономерно в промышленности.

Большой распространенностью детского труда и бедностью объясняется тот факт, что торговля детьми продолжала процветать. «В Бетнэл Грине ... каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на котором дети обоего пола с 9-летнего возраста сами отдают себя внаем на лондонские шелковые мануфактуры».²⁶ Один из детей дал следующие показания Комиссии по детскому труду: «Обыкновенные условия — 1 ш. 8 п. в неделю (это отдается родителям), 2 п. для меня самого и чай».²⁷ Комиссия также сообщает о том, что «женщины берут мальчиков из рабочего дома и отдают их в наем какому угодно покупателю по 2 ш. 6 п. в неделю».²⁸

И все же ограничения связывали в какой-то мере капиталистов, и именно поэтому во владельцах предприятий, на которых распространялись фабричные законы, проснулась — социальная совесть». Они начали кричать «о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда».²⁹ Сама Комиссия по детскому труду в своем отчете за 1866 год предлагает распространить действие:

²² Каршан, Элек: Gyermekmunka a gyáriparban a kapitalizmus kialakulásától az első világháborúig. («Детский труд в заводской промышленности от формирования капитализма до первой мировой войны») Будапешт, 1947, Пазмань Петер Тудоман-едетем Белчесети Кара (изд. фил. фак. Будапештского университета) стр. 24.

²³ См. прим. 11, стр. 24.

²⁴ См. прим. 9, стр. 252.

²⁵ См. прим. 9, стр. 264.

²⁶ См. прим. 9, стр. 402—403.

²⁷ См. прим. 9, стр. 403.

²⁸ См. прим. 9, стр. 403.

²⁹ См. прим. 9, стр. 495.

закона на те 1.400.000 женщин и детей, на которые ограничения еще не распространялись и половина которых работала в мелких мастерских. А один из фабрикантов аргументировал следующим образом: «так как старая нерегулируемая система продолжает существовать на соседних предприятиях, то им приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют... в каком-либо другом месте на то, чтобы они работали после 6 часов вечера». «Это, — естественно заявляют они, — несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, барыш от которой целиком должен принадлежать нам».³⁰

Другой «бедный» капиталист заявил Комиссии следующее: «Он готов подписаться под какой угодно петицией в пользу введения фабричных актов. При теперешнем положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам... после закрытия мастерской, при мысли, что другие заставляют работать больше и выхватывают у него заказы из-под носа».³¹

Ограничение применения детского труда на мелких предприятиях одновременно означало снижение их конкурентоспособности. Дело в том, что мелкие предприятия уравнивали большую производительность крупных предприятий путем применения дешевого детского труда. Капиталисты, располагавшие более крупным капиталом, путем распространения ограничений разорили и экспроприировали часть своих конкурентов и, таким образом, здорово заработали на своей «социальной совести».

В законе, изданном в 1878 году, уже говорится что детей, не достигших 12 лет, вообще нельзя принимать на работу, дети в возрасте от 12 до 14 лет могут работать лишь половину рабочего дня. Детей в возрасте до 16 лет можно принимать на фабрику лишь при наличии врачебной справки о пригодности, а на вредных для здоровья и опасных предприятиях применение детского труда запрещается.

В Германии первый закон о защите детей был принят в 1839 году. Правда, министр по делам культов фон Альштейн уже ранее, в 1826 году провозглашал необходимость защиты детей, однако его предложения не были услышаны. Фридрих-Вильгельм III, которого Энгельс называл «величайшим олухом», который «знал всего лишь два чувства: страх и капральскую заносчивость»,³² решил издать закон о защите детей лишь тогда, когда генерал Хорн разъяснил ему, что в фабрично-заводских районах ухудшаются результаты призывов и эти районы все менее способны пополнять армию.

Закон, однако, совершенно не решил проблему детского труда уже вследствие отсутствия контроля. Новый закон все же выносится лишь в 1891 году, запрещая на фабриках применение труда детей в возрасте до 13 лет. Этот закон обсуждался уже ранее, однако Федеральный Совет (Бундесрат) под тем предлогом, что «детский труд необходим с точки зрения промышленности»,³³ отклонил предложение.

Во Франции Луи-Филипп определил продолжительность рабочего дня для детей в возрасте 8—12 лет в размере 8 часов, но это никем не соблюдалось, т. к. «наблюдение к его выполнению было предоставлено доброй воле *«amis du commerce»* («друзей торговли»), — это в стране-то, где «каждая мышь находится в ведении полиции».³⁴ В 1848 году применение детского труда разрешается с 5 часов утра до 9 часов вечера. После седанского поражения, в 1874 году издается закон о защите детей, более отвечающий требованиям своего времени. Не трудно заметить за ним идею реванша.

Согласно Французскому закону 1874 года возрастной ценз составляет вообще 12 лет, но допускаются исключения. Продолжительность рабочего дня в возрасте до 12 лет составляет 6 часов, а от 12 до 16 лет — 12 часов. Поскольку ребенок обязан посещать школу, рабочий день и до 15 лет составляет 6 часов. По окончании школы ребенок получает табель. Ребенок, не имеющий такого табеля, считается школьнообязанным.

В 1892 году закон дополняется, возрастной ценз поднимается до 13 лет и промышленный надзор переносится на более серьезную основу. Продолжительность ра-

³⁰ См. прим. 9, стр. 496

³¹ См. прим. 9, стр. 496.

³² К. Маркс—Ф. Энгельс Сочинения, т. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 567—568.

³³ См. прим. 22, стр. 39—40.

³⁴ См. прим. 9, стр. 284, прим. 133.

бочего дня в возрасте до 18 лет — 10 часов. До 1900 года, однако, мелкие предприятия не подлежали ограничению.

В Венгрии в 1840 году издается закон, касающийся юридических отношений заводов и фабрик. Он же содержит первое положение о защите детей: «Детей, не достигших 12 лет, можно применять лишь на такой фабричной работе, которая кроме того, что не вредна для их здоровья, не препятствует их физическому развитию, Фабрикант, однако, и тех, кто достиг уже этого возраста, но не превысил еще 16 лет, не имеет права заставить производить посильный для них труд в течение более чем девяти часов, причем эти девять часов не могут быть непрерывными, а должны быть прерваны одним часом отдыха».³⁵ Для закона характерно что он 1. не устанавливает минимального возраста, 2. поручает работодателю устанавливать, что считать вредным трудом и 3. не заботиться о контроле.

Именно поэтому он и не дал никакого эффекта.

9 июня 1848 года постановление Габора Клаузала запрещает использовать учеников в качестве прислуги, применять телесные наказания и устанавливать продолжительность рабочего дня учеников в возрасте до 14 часов в размере 9 часов, а старше — в 11 часов. Это постановление, однако, означало прогресс лишь по сравнению с имевшимся до тех пор цеховым уставом, в то время как по сравнению с законом 1840 года он являлся регрессом.

Промышленным законом 1872 году Венгрия включается в систему защиты детей промышленных государств. Важнейшими параграфами этого закона явились следующие:

«§ 40. Дети, не достигшие возраста 12 лет, в ученики приниматься не могут. Исключение может иметь место лишь с разрешения органа промышленного надзора, в котором случае ремесленник обязан регулярно посылать своего ученика до достижения им 12 лет в народную школу.

§ 44. Ученики, не достигшие 14 лет, могут быть заставляемы работать по 10 часов в день, а достигшие 14 лет — по 12 часов в день, включая и время, проведенное в школе. В обоих случаях, однако, в работе должны устраиваться перерывы на полчаса до и после обеда и на один час в полдень, причем от учеников вообще может требоваться лишь работа, не превышающая их физической силы в соответствии с их возрастом.»³⁶

§ 43. Запрещает работу в качестве прислуги, а в § 46. говорится, что ученик обязан подчиняться своему мастеру и, если живет в его доме, повинен выполнять его отцовскую волю.

§ 70. Распоряжается относительно заводских рабочих: «Принимая также во внимание существующие законы о народном образовании: детей не достигших 10-летнего возраста вообще нельзя принимать на работу на заводы, превысивших же этот возраст, но не достигших 12 лет можно принимать только с разрешения органа промышленного надзора... Превысившие 12 лет, но не достигшие еще 14 летнего возраста могут быть заставляемы работать не более восьми часов в день. Подростки старше 14 лет, но не достигшие еще 16 лет могут быть использованы на работе не более 10 часов в день.

Рабочие, не достигшие еще 16 летнего возраста вообще могут быть применяемы лишь на работах, не вредных для здоровья и не препятствующих их физическому развитию.»³⁷

Если сравнить закон 1872 года с законом 1840 года или постановлением 1848 года, то прогресса не найти. Права, промышленный закон установил возрастной ценз приема на работу в размере 10 лет, но продолжительность рабочего дня в возрасте 14—16 лет увеличилась с 9 до 10 часов, а перерыв в работе не регулируется. Если постановление Клаузала устанавливает рабочий день учеников в возрасте до 14 в размере 9 часов, то промышленным законом он увеличивается до 10 часов. Рабочий день учеников старше 14 лет там составляет 11 часов, а здесь — 12 часов. Большим

³⁵ Биккал Денеш: A százéves magyar szociálpolitika. («Сто лет венгерской социальной политики»), 1840—1940 гг. Munkaügyi Szemle стр. 121.

³⁶ Закон 1872, VIII, §§ 40 и 44, (Приводятся в труде под примечанием 22, стр. 67—68).

³⁷ Закон 1872: VIII, §§ 43, 46 и 70 (Цитируются в труде под примечанием 22, стр. 68—69).

недостатком закона является то, что он не обеспечивает надзора и оставляет много исключений.

С точки зрения детского труда наиболее важными исключениями являлись сельское хозяйство и связанные с ним промышленные предприятия, а также поденная работа. Под влиянием закона в Венгрии происходит то же самое, что в Англии под влиянием первого закона о защите детей от 1802 года. Как известно, в двух отраслях промышленности и была ограничена эксплуатация учеников, и тогда капиталисты стали нанимать вместо учеников «свободных» детей: рабочих, поденщиков. После промышленного закона у нас также наблюдался бурный рост числа поденщиков детского возраста.

В 1884 году издается дополнение к промышленному закону. Запрещается применение труда лиц, достигших 16 лет в опасных отраслях промышленности, которые эти отрасли, законом не указывается, однако, в нем содержится обещание, что этот вопрос будет урегулирован министрами земледелия, а также промышленности и торговли. Даже эти два недостаточных закона не увидели бы свет, если бы этого не требовали военно-политические интересы господствующего класса. При обсуждении первого промышленного закона Даниель Ирани открыто излагает мысль о необходимости обороны и о том, что делает ее неизбежной. «Государству, уважаемая Палата, — говорит Даниель Ирани, — не следует вмешиваться в право свободного волеизъявления взрослых, совершеннолетних лиц, — в этом нет никакого сомнения. Есть, однако, аспекты, позволяющие государству урезать самоопределение этих лиц, и это те высшие аспекты, которые — как например, с точки зрения обороноспособности — должны находиться перед глазами законодателя».³⁸

Подобные же аргументы Ирани приводит при обсуждении закона 1884 года: «Если рассматривать статистические данные, составляемые при наборе, солдат, то приходится с сожалением убедиться, что призывники оказываются пригодными в меньшем числе, чем ранее».³⁹

Предшествовавшая закону дискуссия, да и недостаточность закона показывают, что господствующий класс по узости кругозора не понял полностью значения защиты детей. Промышленный подъем, последовавший за соглашением, настолько развил их аппетиты на дешевый детский труд, что они испуганно шикали на всякое ограничение. Депутат оппозиции Эндре Дьердь заявил в дискуссии первого промышленного закона: В настоящем законопроекте основным принципом является классовый интерес, не защита слабого от сильного, а ограживание и защита одного класса от остальных классов общества.»⁴⁰

Вследствие саботажа со стороны капиталистов и отсутствия контроля, исполнение являлось еще более недостаточным, чем сам закон. В Венгрии институт промышленных инспекторов учреждается лишь в 1893 году. Вследствие малочисленности промышленных инспекторов и отсутствия права непосредственного принятия мер, и это немного помогает. Согласно единому мнению промышленных инспекторов закон не может эффективно контролироваться до тех пор, пока рабочий день определяется лишь для детей, а для взрослых нет. В это время началась борьба рабочего класса за восьмичасовой рабочий день. Еще в 1866 году балтиморский всеобщий рабочий конгресс высказался за восьмичасовой рабочий день. В сентябре этого же года Международный рабочий конгресс в Женеве объявляет узаконение восьмичасового рабочего дня предпосылкой освобождения рабочего класса. Узаконения восьмичасового рабочего дня требует и создающийся в 1889 году II Интернационал. Социал-демократическая партия Венгрии наряду с восьмичасовым рабочим днем требует прекращения труда детей до 14 лет, введения шестичасового рабочего дня в возрасте 14—16 лет, а также прекращения работы женщин и подростков до 18 лет в ночную смену. Господствующий класс, однако, не очень себя беспокоит. Статистика, составленная в 1884 году к обсуждению изменения промышленного закона, сообщает следующие данные.»⁴¹

³⁸ Képviselőházi Napló («Дневник парламента») 1869—1872 гг. т. 17, 384 сессия. (Цитируется в труде под примечанием 22, стр. 103).

³⁹ Képviselőházi Napló 1881—1884 гг. т. 16, 334 сессия. (Цитируется в труде под примечанием 22, стр. 103).

⁴⁰ Képviselőházi Napló 1881—1884 гг. т. 16, 335 сессия. (Цитируется в труде под примечанием 22, стр. 70).

⁴¹ См.: Данные труда под примечанием 22.

от 12 до 14 лет	604
от 14 до 16 лет	2174

Отдельные возрастные группы распределялись по продолжительности рабочего дня следующим образом: в 0/0%.

Возраст	Продолжительность рабочего дня в часах								
	8	9	9½	10	10½	11	11½	12	12 свыше
До 12 лет	—	4,0	—	11,0	—	17,0	9,0	33,0	26
12—14 лет	0,3	3,0	1,0	7,7	3,0	24,5	7,0	35,5	18
14—16 лет	0,3	0,8	0,6	3,5	3,5	25,2	6,6	39,5	5,20

Я упоминал уже, что законом 1872 года продолжительность рабочего дня для занятых на заводах детей устанавливалась в возрасте от 12 до 14 лет в размере 8 часов, а в возрасте 14—16 лет — в размере 10 часов. Таблица наглядно показывает, какова была вопреки этому действительность. Всего лишь 0,3% детей в возрасте до 14 лет работало установленное законом время, а в возрасте 14—16 лет — 5,2%.

После второго промышленного закона на 938 предприятиях с числом рабочих более 20, обследованных в 1887 и 1888 г. г., положение было следующим: «Детей в возрасте от 12 лет 171, работали они более 12 часов в день. Детей в возрасте 12—14 лет — 2069, из них 458 работают более 12½ часов, а 266 — более 13½ часов в день. Из рабочих в возрасте 14—16 лет 3528 работает более 10 часов, 1341 — более 12 часов и 1147 — более 13 часов в день. Обследования заводов показали также, что 8-часовой рабочий день соблюдался всего лишь на 0,4% всех заводов, 10-часовой рабочий день — на 16,7%, 11-часовой рабочий день — также на 16,7%, 12-часовой рабочий день — на 22,5%, и кроме этого на 181 заводе, т. е. на 19,5% всех заводов, работали более 12 часов».⁴²

Данные, однако, не совсем отвечают действительности. С одной стороны касаются лишь предприятий с числом рабочих свыше 10, а с другой, особенно на кирпичных, стекольных и черепичных заводах, рабочие, получавшие аккордную плату, не могли прожить на заработную плату и вовлекали свою семью в работу. Работавшие таким образом дети не фигурировали, естественно, ни в каких отчетах. Работодатели также отделивались от ответственности тем, что эти дети не наняты ими, они лишь помогают своим отцам, и им никакого дела до них нет.

Промышленные инспекторы, являясь служащими капиталистического государства, на многое не обращали внимание, и, если из-за какого-нибудь крупного нарушения они все же доносили на владельца, классовый суд старался загладить их «несбыданный поступок». Отчет коложварского промышленного инспектора за 1911 год верно отражает обычай господской Венгрии: «На одном из кирпичных заводов летом 1911 года с одной девятилетней рабочей девушкой у станка произошел такой тяжелый несчастный случай, что ей пришлось даже ампутировать ногу. В ходе процесса по расследованию несчастного случая был установлен факт, что во время несчастного случая, вопреки закону там работало множество детей подобного возраста, по причине чего управление обратилось к органу промышленного надзора первой степени с ходатайством о возбуждении дела по нарушению закона и наказании завода по всей строгости закона. По возбуждении дела, после нескольких категорических требований ускорить его, было вынесен приговор, согласно которому за нарушение закона, как отец потерпевшей несчастный случай девочки за то, что позволил девочке наниматься на работу, так и завод, за то, что нанял девочку, были обязаны уплатить штраф в размере 5 корон каждый».⁴³ Другой случай: В Марош-вашархельском районе миллионнопредприятие было приговорено органом промышленного надзора первой степени за незаконный взем молодых рабочих... к уплате денежного штрафа размером 10 корон».⁴⁴

Из 7.990.202 жителей Венгрии в 1920 году число работающих детей в возрасте

⁴² См. прим. 22, стр. 77.

⁴³ См. прим. 22, стр. 78—79.

⁴⁴ См. прим. 22, стр. 79.

7—14 лет составляло 214.353 человек. В это время уже работала Международная организация труда. На ее первой конференции в Вашингтоне страны-члены приняли проект соглашения по вопросу ограничения применения детского труда. Статья 2. проекта гласит: «запрещается нанимать или давать работу детям, достигшим одиннадцати лет на общественных, частных предприятиях или их подсобных цехах, за исключением тех предприятий, где нанимаются члены исключительно одной семьи»⁴⁵. Хотя ратификация проекта соглашения не была обязательна, уже при его обсуждении стремились принять во внимание «интересы» народов отдельных стран. Так например, статьи 5. и 6. проекта соглашения устанавливали специальные порядки для Японии и Индии. Как в Японии, так и в Индии использование детского труда приняло поразительные размеры, превосходя даже Англию прошлого века. В Японии в 1920 году насчитывалось 55 849 000 жителей. Состав заводских рабочих в годы после переписи населения по возрасту и полу характеризуется следующей таблицей:

Год	Рабочих				Работниц			
	в возрасте							
	до 14	14—15	15—16	свыше 16	до 14	14—15	15—16	свыше 16
1922	4,643	10,965	24,098	576,194	49,323	77,544	104,974	628,743
1923	3,426	8,840	20,291	558,054	40,880	73,648	101,987	607,754
1924	3,096	9,609	19,878	602,862	40,365	75,521	104,737	635,235
1925	2,657	8,092	18,472	606,929	42,702	77,994	112,816	660,582

Из вышеприведенных данных следует два факта:

1. число работниц превосходит число рабочих, причем чем моложе возрастная группа, тем больше разница,
2. число рабочих старше 16 лет составляет всего лишь 39—40% общей численности.

В текстильной промышленности такое распределение еще явственнее: в 1925 году из 927.631 рабочих текстильной промышленности

в возрасте до 16 лет	мальчиков	13.095	девочек	199.784
старше 16 лет	мужчины	167.937	женщины	591.815. ⁴⁷

Средняя заработная плата женщин в это время составляла 0,88 йен в день, заработная плата мужчин почти в три раза выше — 2,10 йен в день. Однако и заработная плата японского рабочего-мужчины далеко отстает от средней заработной платы европейского рабочего. Таким образом становится понятным так называемое мирное оружие японского империализма — демпинг.

В отношении Индии проект соглашения гласит, что и детей в возрасте до 12 лет запрещается нанимать лишь на определенные предприятия.

Классовый парламент Венгрии обсуждал проект соглашения в 1928 году, и было узаконено положение, согласно которому запрещалось нанимать детей, достигших 14 летнего возраста, на промышленные предприятия. Но ... и это, но фигурирует во многих венгерских социально-политических трудах, — до тех пор пока обязательное обучение в народной школе не распространяется до 14 лет, закон разрешает наем детей, достигших 12 лет. Разумеется, Хорти и его приспешники и в голову не приходило этого сделать, и закон разве что показывает их лицемерие. А провести реформу народного образования следовало бы, сам Куно Клебельсберг заявил в 1926 году: «Жестокая правда заключается в том, что более чем через полвека после введения общего обязательного обучения из оставшихся восьмью миллионами венгерского народа более чем один миллион составляют безграмотные старше шести лет».⁴⁸

Проблему детей, занятых в сельском хозяйстве, обсуждала III. конференция

⁴⁵ Приводит Матеович Ференц: Nemzetközi Szociálpolitika T. 2. («Социально-политическое законодательство»), Сомбатхель, 1934, издание автора, стр. 366.

⁴⁶ См. прим. 45, стр. 75.

⁴⁷ См. прим. 45, стр. 75.

⁴⁸ Газета «Újság» от 21 марта 1926 года. Приводят также: Gróf Klebersberg Kunó beszédei, cikkei és törvényjavaslatok («Выступления, статьи и законопроекты графа Куно Клебельсберга»), Будапешт, 1927, Athenaeum, стр. 362.

Международной организации труда в 1921 году, на которой страны-члены приняли весьма консервативный проект соглашения: «Дети в возрасте до 14 лет могут наниматься на работу в общественных и частных хозяйствах и их подсобных предприятиях лишь на время, сверх необходимого для посещения школы, причем эта работа не должна отрицательно влиять на их учебу».⁴⁹ Венгерский парламент узаконил в 1927 году это ничего не говорящее положение, однако осуществлено оно уже не было. На этой же конференции было одобрено предложение относительно ночной работы детей и несовершеннолетних в сельском хозяйстве, согласно которому детям до 14 лет «должно быть обеспечено время на отдых в размере, по крайней мере 10 непрерывно следующих часов».⁵⁰ Наш парламент одобрил эти принципы, и на этом все кончилось. Что означало бы осуществление проекта соглашения и предложения? В Венгрии на бумаге обучение было обязательным до 12-летнего возраста. Если считать 8 часов в день на школу и учебу (при оптимальном расчете) и 10 часов на сон, на работу все еще оставалось бы 6 часов. В возрасте старше 12 лет время, рассчитанное на школу и учебу, также становится рабочим временем, и, таким образом, закон обеспечивал бы 14-часовый рабочий день. Господам Венгрии, однако, даже и этого было мало. Таким образом, в Венгрии оставался в силе закон о батрачестве от 1907 года, согласно которому дети в возрасте до 12 лет не могли быть наняты в качестве батраков и батрацкое удостоверение для них не могло быть выдано. На сезонную работу, в качестве поденщиков дети могли наниматься неограниченно.

Характерным для хортистской клики была также ее позиция против проекта соглашения относительно защиты материнства. Этот проект соглашения устанавливал, что женщину нельзя заставлять работать в течение шести недель до и после родов, причем на это время ей должно выплачиваться пособие, достаточное для того, чтобы она сама и ее ребенок могли находиться в благоприятных для здоровья условиях. Венгерское законодательство узаконило и этот проект, однако он был введен в силу лишь в отношении лиц, работающих в промышленности и торговле, так как здесь через существовавшие уже страховые учреждения это и так более или менее было осуществлено. В отношении сельскохозяйственных работников правительство заявило, что это может быть осуществлено лишь путем обязательного страхования нанимающихся на работу в сельском хозяйстве. Это было обещано господствующим классом еще в 1907 году, в законе о батрачестве, однако задача осуществления и здесь досталась на долю народной демократии.

IV.

Лишь к концу прошлого века началось в располагающих промышленностью странах осуществление более значительной, организованной социальной политики, выходящей за пределы ограничения рабочего дня и защиты женского и детского труда. Теперь уже создаются специальные учреждения по социальному обеспечению рабочих. Без развития классовой сознательности и организаций пролетариата вряд ли бы это произошло. Но, пожалуй, еще большую роль в их создании сыграл расчет. Относительно мирное распределение земли закончилось, и началась борьба за ее перераспределение. Государство капиталистов вдруг открывает факт, что рабочий не только является средством производства прибавочной стоимости, но что его легко можно превратить в пушечное мясо. Для приобретения рынков нужно оружие и те, кто с ним умеют обращаться. Предотвратить дальнейшее бурное истощение населения является военным интересом. Но не одна эта, а другие более непосредственные причины также играли в этом роль.

Вследствие аккумуляции капитала образуются огромные заводы-гиганты, в результате действия механизма разделения труда выпадение одной части останавливает все предприятие. Совокупность предприятий также составляет органическое целое, остановившаяся шахта останавливает обрабатывающую промышленность, остановившийся же завод делает лишним эксплуатацию шахты. Забастовка чересчур опасна для капиталистов, она дорого стоит, гораздо дешевле и эффективнее создание одного-

⁴⁹ Приводит труд, цитированный под примечанием 45, стр. 376—377.

⁵⁰ См. прим. 45. стр. 377.

двух социальных учреждений, расходы на которые все равно можно отнести за счет рабочих. Когда уже нельзя отделаться так дешево, связывают по рукам и ногам профсоюзы и просто ликвидируют право на забастовки, там где оно вообще есть.

При этом не все предприятия в одинаковой мере создают социальные учреждения. Капиталистам заводов, находящихся вдалеке от больших городов и, следовательно, от армии безработных, важнее привязать к себе своих рабочих, чем капиталистам крупных городов, пользующихся почти бескрайним предложением рабочей силы. Если капитализм создал огромную армию необученных рабочих, то его дальнейшее развитие создает довольно большой лагерь специально обученных квалифицированных рабочих. Есть заводы, где большой процент рабочих составляют трудно заменимые специалисты. Капиталист и здесь стремится привязать к себе рабочих и обеспечить бесперебойность производства от текучки рабочих.

Эрвин Сабо уже в начале столетия описал в одном из своих трудов образцовые рабочие квартиры, больничную и пенсионные кассы, потребительскую кооперацию, библиотеку, детский сад и заводской оркестр на заводе Круппа. Поверхностного наблюдателя все это ошеломляет, однако Эрвин Сабо сразу же показывает и другую сторону медали. «Оказывается, дома для рабочих строят только потому, что иначе они не получают рабочих. Не строятся дома предприятиями крупных городов, потому что там всегда есть рабочие; и не строят на селе, пока село снабжает их рабочей силой. Арендные договоры тесно связывают арендные отношения с трудовыми. Срок отказа в квартире короток, как нигде. У Круппа — 14 дней, но во многих местах рабочий должен съезжать с квартиры немедленно, как только его трудовые отношения прекратились. Если, он оставляет работу, его выселяют. А так как жить ему где-то нужно, работает он или нет, то раз он уже решил поселиться на заводской квартире, он многое перетерпит, прежде чем решиться прекратить работать или оставить завод».⁵¹

Но недостаточно того, что заводской квартирой рабочего приковывают к заводу. Во многих местах существует такой обычай, что «на заводских квартирах запрещается предоставлять ночлег или питание лицам, не являющимся рабочими данного завода. Даже если это собственный ребенок рабочего. Завод, таким образом, разрывает семейные узы, или же заставляет и ребенка поступать на службу завода, напишется ему это... или нет. Более того, сыну часто приходится оставаться уже из-за отца: часто случается, что, если сын уходит с работы, отца также увольняют».⁵²

Пенсионная касса также служит цели приковать рабочего к заводу. Если рабочий уходит с работы, все его требования к кассе аннулируются. Все это вместе взятое ведет к тому, что рабочий теряет даже малокровные свободы, предоставляемые буржуазным государством. «Если даже на соседнем заводе он мог бы получать большую зарплату, он не может перейти туда, так как его выселят из квартиры. В старые времена крепостного обвязывали работать на помещика открыто, силой закона. Теперь ему дают квартиру и связывают ею... Если он просит увеличить заработную плату, ему быстро напоминают, что у тебя нет квартиры и сколько ты заплатил в пенсионную кассу... Право на объединение и собрания полностью зависит от прихоти владельца завода. Не разрешается никакая организационная деятельность, направленная на улучшение условий зарплаты и труда. Выселение, потеря взносов, льготы и надбавок сопровождаются все попытки этого рода».⁵³ Эрвин Сабо назвал эту систему заводским феодализмом.

Как видно, работодатель пользуется значительной выгодой от социальных учреждений своего предприятия. И все же эти учреждения не получили всеобщего распространения, потому что они не везде приносили выгоду. На вопрос почему, отвечает номер газеты немецких работодателей от 9 октября 1904 года: «С...ые кровные интересы работодателей требуют хорошего и дешевого снабжения рабочих. Ибо как только рабочим приходится дорого платить за свое снабжение, растет заработная плата. Поэтому мы видим, что везде, где нет достаточного количества квартир и имеются трудности в приобретении дешевого продовольствия, т. е. в мало-населенных районах, наблюдается большая склонность к созданию социальных учреж-

⁵¹ Сабо Эрвин: *A töké és a munka harca* («Борьба капитала и труда»), Будапешт. 1947, Непсава, стр. 98.

⁵² См. прим. 51., стр. 99.

⁵³ См. прим. 51, стр. 99—100.

дений. В таких местах предприниматели стоят индивидуальные дома для рабочих, общежития, столовые, универмаги, больницы, бани и т. п.; одним словом, они заботятся обо всем, что в густонаселенных районах, а особенно в крупных городах берут на себя местные власти или частные предприниматели. Зато, как это видно, меньше всего средств на социальные учреждения тратят предприниматели крупных городов, потому что там отдельные лица даже наиболее благонамеренными и далеко идущими стремлениями не могут повлиять на цены, на продовольствие и на квартирную плату.⁵⁴

Система промышленного феодализма лишь делает очевидным то, что прикрывается свободной куплей и продажей рабочей силы, а именно то, что «рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту».⁵⁵ Грубая, неприкрытая форма этих крепостных отношений были уже описанным Марксом, и, следовательно, они характерны не только для эпохи империализма. В графстве Дергем в результате развития горно-рудной промышленности произошел отлив рабочей силы из сельского хозяйства. Арендаторы поэтому стали арендовать только участки, на которых находятся коттеджи для рабочих. Дома затем сдавались таким образом, что рабочие брали определенные обязательства. Таким обязательством являлось например, то, что рабочий должен был заботиться о заместителе, если он некоторое время работал на стороне. Такого рабочего открыто называли «bondsmen», т. е. крепостным. «Интересно отметить, что даже испражнения этого причисляются его расчетливым повелителем к своему доходу. Фертер не разрешает устраивать никаких обхожих мест, кроме тех, которые устроены им самим, и не терпит ни малейшего нарушения своих сюзеренных прав в этой области».⁵⁶

Между прочим, капиталисты всегда готовы отказаться даже от видимости «свободного» торгового, «свободного» рабочего, если им угрожает недостаток в рабочей силе. Общепринятым обычаем является запрещение или затруднение эмиграции. Еще более грубой является, однако, система принудительного труда, все еще цветущая во всех сокращающихся колониях. Труд, силой выжатый из туземцев, в течение долгого времени играл значительную роль также в создании рабочей аристократии стран-колонизаторов.

Наряду с упоминавшейся уже производственной специальной политикой, капиталисты стремятся связать руки рабочим и другими средствами. Лозунг: мир между капиталом и трудом, и они стремились его осуществить, с одной стороны, на предприятной и, с другой — путем создания делового союза между организациями капиталистов и рабочих. В последнем весьма выдающуюся и грязную роль сыграли социал-демократические рабочие вожди-предатели. В Германии социал-демократические профсоюзы 14 ноября 1918 года даже заключили соглашение с организациями работодателей. В чем было это суе? Согласно одному из руководителей этого союза: «В тот момент, когда представители рабочих и работодателей основали этот союз, участники должны были видеть, что отношения борьбы, имевшиеся между ними, изменились, с отрицательных позиций они должны перейти на положительные, а место взаимного противостояния должна занять работа в духе взаимного понимания. Вот какова большая этическая идея этого делового союза».⁵⁷

Это означает, что рабочий класс отказывается от классовой борьбы. Поражение в войне привело капиталистов к кризису, и предатели-социал-демократы, старались помочь им выйти из этого кризиса. В то же время «Форвертс», орган социал-демократов, лицемерно выражала опасения по поводу того, что сотрудничество с работодателями изменит социалистическую сознательность рабочего класса. Однако согласно нюрнбергскому профсоюзному конгрессу 1919 года это сотрудничество служит равенству рабочего класса. Капиталисты, конечно, нарушали соглашения где только могли, причем тем больше, чем сильнее они становились. В 1923 году, например, владельцы шахт решили увеличить рабочий день шахтеров, не спросив об этом деловой союз. Эти факты настолько поднимали социалистическую сознательность рабо-

⁵⁴ Deutsche Arbeitgeber-Zeitung, 1904 № 9, за октябрь 1904 года (Цитируется в труде под примечанием 71, стр. 100—101).

⁵⁵ См. прим. 9, стр. 582.

⁵⁶ Public Health 1864 г., стр. 188 (Цитируется в труде под примечанием 9, стр. 582, прим. 13).

⁵⁷ Цитирует Хилшер Реже: «A tőke és a munka békéje» («Мир между капиталом и трудом») (Munkaközösség, üzemközösség, üzemi szociálpolitika) Будапешт, 1938, Magyar Társadalompolitikai Társaság стр. 10.

чего класса, что все менее популярные профсоюзные лидеры вынуждены в 1924 году денонсировать соглашение. В то же время, однако, они заверили работодателей, что они попрежнему готовы к сотрудничеству.

Германские профсоюзы не были одни с этой своей готовностью. В Швейцарии это сотрудничество имеет традиции, уходящие в прошлое столетие, но лишь в 1937 году оно превратилось в открытое соглашение, когда все профсоюзы, относящиеся к металлургической и машиностроительной промышленности, заключили соглашение с работодателями. Коммунистическая печать назвала соглашение открытым фашизмом. Председатель профсоюзов социал-демократ Илья Конрад зато заявил в своем докладе, что «в рабочем движении настоящее развитие заключается во все более усиленном проявлении настоящих этических ценностей».⁵⁸ Эти «этические ценности» наиболее усиленно проявились в фашистской корпорации и в гитлеровском Германском фронте труда.

«Промышленный мир», несмотря на все старания осуществлялся лишь как изолированное и временное явление. Гораздо более простым казалось капиталистам осуществление мира на предприятии. Одним из его апостолов был германский фабрикант Гейнрих Фрезе. На своем предприятии он поручил организацию летних праздников выборным представителям рабочих. Рьяная деятельность комиссии дала мысль о введении «конституционного завода». «Согласно Фрезе на конституционном заводе царствующим правителем является владелец, министры — директор и его заместитель, парламент — заводской комитет, а народ — все рабочие предприятия».⁵⁹ На заводе Фрезе положение рабочих было относительно лучше, чем на других предприятиях, вдобавок и Фрезе замечательно зарабатывал, так как конституция стимулирующе действовала на рабочих. Этого более интенсивного труда хотели добиться и другие капиталисты, но они хотели связать его с усиленной эксплуатацией, поэтому конституционный завод не получил всеобщего распространения. Заводской коллектив пытался использовать в интересах создания желтых профсоюзов, чтобы тем самым «освободить рабочего от «политического и экономического принуждения и давления со стороны профсоюзов».⁶⁰

Международный социально-политический конгресс, проведенный в октябре 1924 года, также высказался за вовлечение рабочих в руководство предприятиями. В резолюции конгресса в отношении заводских советов говорится, что «конгресс с радостью и удовлетворением приветствует институт заводских советов, осуществленный и уже правдавший себя во многих странах Европы. Было бы замечательно, если бы фабрично-заводские советы вместе с промышленным организованным профсоюзным движением смогли обеспечить трудящимся людям социальные права и внести новую творческую силу в экономическую жизнь!... Было бы целесообразным вовлекать рабочих в работу по методическому руководству предприятиями как в рамках их профессии, так и страны».⁶¹

Компетенция парламента конституционного завода, а также фабрично-заводских советов составляет только видимость и распространяется до тех пор, пока приносит прибыль капиталистам или увеличивает ее. Это лишь более скромная копия того, что говорится о «порядке национального труда» в германско-фашистском законе 1934 года: «На предприятии предприниматель в качестве руководителя (фюрера) завода и рабочие в качестве его последователей (Гефольгшафт) вместе трудятся в интересах осуществления целей предприятия, а также совместного благосостояния народа и государства».⁶² В интересах осуществления этой совместной деятельности на всех предприятиях, насчитывающих свыше двадцати рабочих в рамках заводского коллектива были основаны советы доверенных. Их члены назначались предпринимателем совместно с руководителем заводской организации национал-социалистической партии.

Международный социально-политический конгресс в Праге высказался также и за восьмичасовой день, так как «восьмичасовой рабочий день доказуемым образом крайне пригоден для увеличения производства вместо его автоматического сокращения... социальная ценность восьмичасового рабочего дня настолько значительна,

⁵⁸ Цитирует труд под примечанием, 57, стр. 17.

⁵⁹ Цитирует труд под примечанием, 57, стр. 21.

⁶⁰ См. прим. 57, стр. 28.

⁶¹ Приводит труд под прим. 45, стр. 396.

⁶² Цитирует труд под прим. 57, стр. 30.

что... прекращение его всеобщего применения привело бы к опасности социальной борьбы».⁶³

Непосредственно перед прежним конгрессом проходила IV конференция Международной организации труда, занимавшаяся досугом рабочих. Здесь снова повторяются опасения капиталистов, которые уже наблюдались в прошлом столетии во время ограничения детского труда в Англии. Капиталисты боялись, что их рабочих детей после шести часов вечера замянут на другие предприятия продолжать работу. Восьмичасовой рабочий день в большинстве стран и отраслей промышленности по-прежнему нашел всеобщее распространение, и капиталисты боялись, что их рабочие, отработав восемь часов, восьмью еще и за другую работу и истощат таким образом свою силу, тогда как все преимущества этой силы должны принадлежать им. В предложениях конференции можно прочитать следующее:

«Рабочий путем целесообразного использования своего досуга может отдохнуть от усталости, возникшей во время его занятий, увеличить таким образом свою работоспособность и доход и, вследствие всего этого, ценность восьмичасового дня. «Поэтому» работодатели должны постоянно стремиться к тому, чтобы привести заработную плату и жизненные потребности рабочего в такое правильное соотношение, которая бы защищала его от необходимости искать в свободное время дополнительную оплачиваемую работу». И теперь следует страшное опасение: «несомненно», весьма трудно контролировать осуществление мероприятий, целью которых является запрещение всяческой дополнительной оплачиваемой работы после окончания установленного законом рабочего дня у того же или другого предпринимателя».⁶⁴

V.

Рабочий живет за счет продажи собственной рабочей силы и не располагает почти никакими резервами. Именно поэтому для него нет большей опасности, чем если его рабочая сила вследствие болезни или сокращения спроса становится нереализуемой. Безработица означает нищету, голод и может быть, смерть. Рабочие уже давно догадались, что защитой от этого является только солидарность коллектива. Организация взаимопомощи рабочих венгерской горно-рудной промышленности восходит до времен королей династии Арпада. В XVI веке всеобщее распространение получает шахтерская товарищеская касса, поступления которой состояли из процентов, вычитывавшихся из заработной платы шахтеров, и взносов владельца. В 1778 году указом придворного канцлера регулируется дотация за счет казны товарищеских классов на шахтах, принадлежавших казне. Этот же указ распространяет страхование и на поденщиков, работающих на шахтах. Владельцы шахт начинают поспешно осуществлять на своих шахтах положения указа, чтобы рабочие не оставили их и не перешли на государственные шахты. Императорский же патент 1854 года уже в обязательном порядке предписывает на всех шахтах учреждение шахтерских товарищеских касс. Подобными шахтерскими товарищескими кассами являлись цеховые кассы, служившие страхованию цеховых подмастерьев.

В 1846 году было основано «Будапештское торговое пенсионное и больничное объединение», а в 1848 году «Объединение по пособиям венгерских типографов и литографов».

Гораздо более значительной, однако, явилась созданная в 1870 году «Всеобщая касса рабочих пособий и инвалидности», созданная с целью, чтобы рабочий «при болезни пользовался соответственной помощью, в случае инвалидности получал пособие, а в случае смерти ему обеспечивалось пособие на похороны, а оставшимся членам семьи поддержка». Позднее, в 1892 году была основана «Будапештская районная касса по больничным пособиям». Эти два объединения в 1906 году слились, образовав «Всеобщую венгерскую рабочую кассу по больничным пособиям и страхованию от несчастных случаев».

Правительство в 1891 году установило обязательное страхование от болезней. Одну треть страхования (страхового взноса) уплачивалось работодателем, две трети

⁶³ Приводит труд под прим. 45, стр. 395.

⁶⁴ Приводит труд по прим. 45, стр. 391—392.

— рабочим. Принудительное страхование, однако, не распространялось на несчастные случаи, хотя, например, в 1905 году из 529.000 рабочих 18.692 стали жертвами несчастных случаев. Эти рабочие затем, на основании закона 1891: XVI стремились реализовать свои претензии по возмещению убытков путем возбуждения против своего работодателя дела в гражданском суде. Это положение становилось по-прежнему невыносимым для работодателей. «Для работодателей большой тяжестью являлось то, что их работники, особенно после ухода с работы, иногда годами спустя возбуждали против них дело о возмещении убытков в связи с несчастным случаем, и работодатель вынужден был участвовать в деле, терпеть большие расходы, пока наконец окончательный приговор не определил несостоятельность иска».⁶⁵ На основании таких аргументов был утвержден в 1907 году закон об обязательном страховании от несчастных случаев.

Приблизительно в одно время с формированием венгерской страховой системы остальные промышленные страны Европы также закладывают основы общественного страхования. Господствующий класс руководствуется соображением, что общественное страхование «является одной из возможностей, которые могут наполнить широкие слои общества надеждой на то, что будущее не означает для них лишений, если путем целесообразного откладывания создать предпосылки этого. Нет сомнений, что такие слои могут ожидать улучшения своего положения не от насильственного переворота настоящего общественного строя, а от участия в рамках общественного страхования. Во что придает непереценное значение социального страхования с точки зрения теперешнего государственного строя».⁶⁶ Это же придает значение плану Бевериджа.

Рабочему, однако, угрожат не только болезнь и несчастный случай, но и безработица. В 1932 году, например, число безработных в США составляло 11.489.000 в Германии — 5.579.858, в Великобритании и Ирландии 2.272.590 человек. В действительности, однако, безработица достигала гораздо больших размеров, так как в этих данных не указаны ни частично безработные, ни сельскохозяйственные рабочие, хотя они также в течение большей части года страдали из-за отсутствия работы. Число безработных в Венгрии после первой мировой войны почти постоянно превысило сто тысяч. В сельском же хозяйстве положение было следующим: «Зарабатывающее сельскохозяйственное население в среднем по стране имеет работу в течение 76,2% времени, могущего быть занятым работой».⁶⁷ Это соотношение изменялось в зависимости от районов и групп сельскохозяйственного населения, имеющих различные возможности работать. Сельскохозяйственный батрак, нанимающийся на год, естественно, обеспечен работой в течение целого года, в то время как поденщик — владелец лилипутного участка и совершенно безземельный аграрный пролетарий бывают заняты, в основном, лишь во время сезонных работ.

Занятость сельскохозяйственного населения по районам и категориям была следующей.

⁶⁵ «A magyar társadalombiztosítás ötven éve» («50 лет венгерского общественного страхования»), 1892—1942 гг., Будапешт, 1942 г. Országos Társadalombiztosítási Intézet, стр. 29.

⁶⁶ Прим. 45, стр. 131.

⁶⁷ Матолчи Матьяш: A mezőgazdasági munkanélküliség Magyarországon. («Безработица в сельском хозяйстве Венгрии»), Будапешт, 1933 гг. Magyar Gazdaságkutató Intézet стр. 14.

	в ‰			
	В Западном крае	На Великой венгерской низменности	В Северном горном районе	Всего
Батраки	100	100	100	100
Малоземельные крестьяне	100	94,8	93,2	96
Малоземельные помещики и поденщики	69,5	65,1	58,9	65,8
В среднем	79,4	75,5	69,9	76,2

Малоземельное население, занимающееся поденной работой, следовательно, имеет работу немногим более чем в течение половины года. Согласно данным переписи населения 1930 года:

Число безземельных сельскохозяйственных рабочих	470.601
сельскохозяйственных рабочих, имеющих участок менее одного хольда	91.927
итого:	562.528
число членов семьи находящихся на их иждивении	687.824
Всего:	1.250.349

В 1930/31 хозяйственном году неимущий сельскохозяйственный рабочий из 365 дней работал всего в среднем 150. 562.528 работающих, следовательно, в этом году проработали всего 84,4 миллиона человекодней. Сложившаяся поденная плата составляла в среднем 2,10 пенге, таким образом, их доход за счет поденной работы составил 177,2 миллиона пенге, что в перерасчете на 1.250.349 человек составляет 141 пенге в год на душу. Если даже к этому прибавить стоимость пользования могущего иметься в их владении дома, доход от мелкого скота, топлива, полученное исполнителями, то и тогда душевой годовой доход составит всего лишь 183,4 пенге.⁶⁸

Годовой доход батраков и их иждивенцев, вычисленный подобным же полным образом, составлял в год чуть больше, 204,63 пенге, и лишь незначительно превышает этот уровень годовой душевой доход в категории землевладельцев и арендаторов, имеющих менее 10 хольдов, составляющий 227,2 пенге.⁶⁹

Сельскохозяйственный рабочий, естественно, хотел бы во время сезонных работ заработать на существование в течение целого года. Это стремление, однако, удавалось осуществлять все меньше. Единственным путем достижения более высокой заработной платы было бы прекращение работы и организация. В Венгрии право на забастовку вообще не было обеспечено, а в сельском хозяйстве рабочих, бастовавших или «сговаривавшихся» в интересах достижения более высокой оплаты, преследовали с особой жестокостью. Закон прямо объявлял недействительными договоры, условия которых достигались трудящимися путем прекращения работы. Тех же, кто собирался перед квартирой или местонахождением работодателя, чтобы помешать началу работы или подбивать рабочих на отказ от работы, закон карал наказанием.⁷⁰

Чем оправдывались такие строгие меры? Сезонным характером сельскохозяйственных работ, т. е. как раз тем, что осуждало сельскохозяйственных рабочих в течение части года на безделье и в течение всего года — на нищету. Из-за сезонного характера сельского хозяйства, очевидно, в защите нуждались все же бедные помещики. Каков же был рабочий день при этой низкой оплате? «Рабочий день поденщика считается от восхода до захода солнца, из которого он может в полдень пользоваться

⁶⁸ Матолчи Матьяш: A magyarországi jövedelem- és adóterh megosztás. («Распределение доходов и налогового бремени в Венгрии»), Будапешт, 1938, г. Universitas Könyvkiadó Rt. стр. 17—18.

⁶⁹ См. прим. 68. стр. 19 и 22.

⁷⁰ Закон 1898. II, §. 66.

часовым перерывом, а то 15 апреля до 30 сентября также двумя получасовыми перерывами утром и после обеда».⁷¹

Хотя принудительный труд у нас был неизвестен, да и крепостничество давно перестало существовать, рабочий все же не был свободен. «Если рабочие отказываются начать или продолжать работу, против них немедленно возбуждается дело о нарушении закона с немедленным исполнением приговора. Если рабочий, несмотря на договорное соглашение без причины появляется на рабочем месте без нужных орудий или без подсобного рабочего или же если он с целью причинения ущерба работодателю плохо выполняет работу, против него немедленно должно возбуждаться дело... Если рабочие оставили свое рабочее место, они могут быть по просьбе работодателя возвращены туда при помощи вооруженной силы».⁷²

А во время второй мировой войны было предписано, что рабочие, занятые в предыдущем году на сельскохозяйственной работе, обязаны в текущем году также подписать договор, в противном случае с ними заключается принудительный договор.

Поденщик, несмотря на все это, был относительно свободен по сравнению сельскохозяйственным батраком. Согласно закону «батрак обязан следовать указаниям своего хозяина, выполнять все работы в хозяйстве верно, точно и с возможно наибольшим умением. Если он нарушает свои обязанности, он привлекается к ответственности административным путем и при этом обязан возместить хозяину причиненные убытки».⁷³ В хозяйстве даже при максимальном старании всегда может случиться, что работник допускает огрешность, заработная плата батрака настолько мала, что вычитать что-либо из нее почти невозможно. Поэтому законом «хозяину предоставляется право дисциплинирования. Он может наказывать как батрака, так и членов его семьи, однако не имеет права налагать денежные штрафы».⁷⁴ Сам тот факт, что это пришлось запрещать законом, говорит о том, насколько были распространены наказания денежным штрафом.

В подобном же положении находилась домашняя прислуга. «Если прислуга отказывается выполнять свои обязанности, оговоренные в договоре, по желанию хозяина может применяться административное принуждение. Такая прислуга обязана возместить хозяину причиненный ущерб».⁷⁵ Прислуга была во власти прихотей хозяина не только при выполнении работы, но в течение всех 24 часов. «Закон о прислуге не регулирует ее рабочий день, неопределяет минимальный возраст, в котором женщину можно нанимать в прислугу, не обеспечивает домашней прислуге соответствующего жилья».⁷⁶ Что, таким образом, обеспечивается законом о прислуге? Он полностью отдает прислугу во власть работодателя, который «имеет право применять к ей домашние меры наказания и делать вычеты из ее заработной платы».⁷⁷ «Прислуга обязана придерживаться заведенного в доме порядка и без ведома и разрешения хозяина не имеет права оставаться вне дома свыше разрешенного времени. Прислуга не имеет права принимать посетителей. Прислуга обязана приносить свое платье к хозяину, хозяин имеет право просматривать вещи прислуги в ее присутствии. Если прислуга не допускает этого, хозяин имеет право сделать это в присутствии представителей власти. Хозяин имеет право наказывать прислугу».⁷⁸ Хорошо, говорят многие, были и такие работодатели, большинство однако было лучше, чем закон. Однако характер жизни класса или прислойки определяется не тем, что в его рядах имеются и «добрые люди», а его правами и правами, которыми другие пользуются по отношению к нему. Да и не так уж много было этих «добрых» работодателей. Работник может увольняться, оставить свое место и рано или поздно найти человеческого работодателя, — отвечают на это. Работу однако не всегда легко найти, и поэтому приходится терпеть, пока нет надежды на лучшее место. Закон и об этом заботится и «считает беспричинно часто меняющую место работы прислугу бродягой... если прислуга оставляет без соответствующей причины место работы,

⁷¹ Эстергап Лайош: A szociálpolitika tételesjogi alapja. («Юридические основы социальной политики»), Печ 1936, Kultúra Könyvnyomdai Műintézet стр. 381.

⁷² См. прим. 71, стр. 273.

⁷³ См. прим. 71, стр. 281.

⁷⁴ См. прим. 71, стр. 284.

⁷⁵ См. прим. 71, стр. 315—316.

⁷⁶ См. прим. 71, стр. 317.

⁷⁷ См. прим. 71, стр. 317.

⁷⁸ См. прим. 71, стр. 316.

по отношению к ней необходимо применять меры положения о ссылке и ссылатъ ее по месту первоначального постоянного жительства.»⁷⁹

Возвращаясь к вопросу безработицы лишаящей рабочих возможности реализовать свою рабочую силу и означающей для безработных нищету, а для еще работающих постоянную неопределенность, надо заметить, что и в Венгрии она достигла таких размеров, что в 1926 году даже правительство было вынуждено заняться этим вопросом. Тогда Всевенгерский союз заводских промышленников внес особое мнение и вместе с Центром венгерских работодателей заявил, что — «заводская промышленность считает гораздо более важным, чтобы о работопринимателях и членах их семей заботились в случае старости, инвалидности, о членах семьи в случае их смерти, и предложил максимальную поддержку развитию этой отрасли страхования, взяв на себя покрытие возникающих в связи с этим значительных расходов.

Министр доктор Йозеф Ваш, оценив огромное значение вопроса и позиции промышленников, принял предложение и сразу же приступил к разработке законопроекта».⁸⁰

Из позиции промышленников и готовности, с которой Ваш ее оценил, следуют две вещи: во-первых, что союзу промышленников было неприятно поднятие вопроса о безработице, и, во-вторых, что для правительства желание союза промышленников являлось приказом. В чем заключалась максимальная поддержка со стороны союза промышленников, стало ясным лишь позже.

Постановка вопроса о безработице всегда неприятна капиталистам, Дело в том, что безработица доказывает неспособность капиталистического способа производства обеспечить ни занятость ни снабжение класса наемных рабочих, и с другой стороны, капитализм нуждается в безработице. Безработные образуют промышленную резервную армию, «являющуюся к услугам производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую крахом, неизбежно следующим за каждым оживлением. Эта армия, постоянно висющая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором рабочей платы, постоянно удерживая ее на низком уровне, соответственно потребностям капиталистов».⁸¹

Безработица при капитализме является не случайным несчастьем а закономерностью. Капиталисты, как это показали конференции Международной организации труда, немного предпринимает в интересах решения вопроса, да и вообще в рамках капиталистического производства ликвидировать безработицу невозможно.

И пресловутый министр Ваш по желанию союза промышленников предпочел организовать обеспечение по старости, а средства, поступавшие в рамках этого страхования были затем обращены на «консолидацию» продуктивной экономики. Жертва капиталистов, таким образом, состояла из получения ими страховых взносов рабочих.

Конечно, различные рабочие страховые кассы не соответствовали осуществлению такой системы. После того, как их лишили самоуправления, их объединили в один огромный институт, пополнив штат служащих «надежными» элементами. Созданный таким образом Общевенгерский институт общественного страхования подобно существовавшему для видимости венгерскому парламенту имел свое самоуправление, но об этом самоуправлении даже сами хозяева института говорили: «Рассматривая теперешнюю установленную законом компетенцию самоуправления, оказывается, что законы 1937: XXI и 1928 XI, и изданные на их основании распоряжения сузили прежнюю компетенцию самоуправления. Деятельность является в действительности уже не самоуправлением института, а сводится — за исключением решений по вопросу пособий и услуг — с одной стороны, к контролю за делопроизводством и, с другой, — вынесению решений, требующих утверждения со стороны министра.

Назначение, выдвигание, премияция служащих... не относится к компетенции самоуправления... Министр имеет право изменять, аннулировать решения самоуправления, а также издавать распоряжения, идущие вразрез с этими решениями. Министр решает когда, каким образом какую сумму из имущества института можно или следует поместить куда-либо.»⁸²

⁷⁹ См. прим. 71, стр. 317.

⁸⁰ См. прим. 65, стр. 41—42.

⁸¹ См. прим. 19, стр. 224.

⁸² См. прим. 65, стр. 71.

Социальная политика венгерского фашизма и в этом была аналогична социальной политике остальных фашистских государств. Там, где фашизм приходил к власти, он не только уничтожал рабочие организации, но и сразу же накладывал руку на социальные учреждения, созданные усилиями рабочих в течение многих десятилетий. Ввиду того, что фашизм везде приходил к власти, проповедуя социальные фразы, он не смел их совсем уничтожить, а перекраивал на свой вкус.

Идеолог-империалист Золтан Бенч говорил об итальянском фашистском режиме, что «он являлся военным движением против беспомощного государства, где ежедневно происходили конфискации заводов и поместий, где рабочие категории организовали выступления вооруженных людей против института частной собственности, против буржуазного общества, когда ни у Джиолитти, ни у Факты, ни у Сонини не было мужества обуздать это положение силой государства. Он должен был стать политическим и военным движением, чтобы всей организованной силой общества обернуться против тех движений, которые привели к краху итальянских наций и общества, а также экономической жизни.»⁸³

Классовая борьба грозила разгромом капиталистическим государству и обществу. Так называемые гражданские свободы стали в тягость капиталистам, и на смену прикрытой диктатуре буржуазии пришла открытая диктатура.»⁸⁴

Фашистское движение было создано в интересах спасения «общества», и, естественно, не довольствовался простым «спасением», а предпринимал все в интересах не только обеспечения, но и усиления эксплуатации. Его социальная политика была тесно связана с его политической и хозяйственной деятельностью. Они забирают и реорганизуют социальные учреждения рабочего класса. Объединение позволяет достичь некоторые видимые результаты и беспрепятственно использовать поступающие доходы.

Блестящие доказательства этого содержатся в отчетах итальянских фашистских страховых институтов. Хотя мелкие кассы на предприятиях были объединены, различные отрасли страхования обеспечивались различными институтами или различными филиалами одного института. Обеспечение инвалидности и старости, например, производилось «Национальной кассой социальных страхований». Имущество института в начале фашистского господства составляло 1.392 315.000 лир. Эта сумма к 1926 году увеличилась 3.350.735.000 лир. На что была употреблена эта огромная сумма? ... Национальная касса социальных страхований со своим имуществом, превышающим три миллиарда протягивает руку помощи итальянскому правительству всякий раз, когда речь идет о каком либо благородном, касающемся всей страны движении.»⁸⁵ Имущество института, следовательно, спасает от беды, от случая к случаю, государство, подавляющее «рабочие категории», а если иногда все же создавалось какое-либо социальное учреждение, то это было плодом великодушия дуче. Каждый разбойник чувствует себя великодушным, возвращая что-нибудь ограбленному. А капиталисты никогда не скупятся на «великодушие».

Однако посмотрим далее. Имущество института, занимающегося обязательным страхованием от безработицы, в 1922 году составляет всего лишь 267.000.000 лир, а к 1926 году возрастает уже более чем в два раза, до 594.000.000 лир, «значительная часть которых была помещена в легко реализуемые государственные бумаги.»⁸⁶ Как видно, и здесь речь идет о военном займе, причем военном займе, покрывающем расходы на классовую борьбу, укрепляющем государство-угнетателя. Но дуче на этот раз хотел быть действительно великодушным в отношении имущества института: «Институт оказывает безработным также косвенную помощь, предоставляя кредиты отдельным предприятиям, чтобы они могли поддерживать свою деятельность и не были вынуждены увольнять своих работников.»⁸⁷ Муссолини не хотел видеть капиталиста, лишенного трудного бремени эксплуатации,

⁸³ См. прим. 7, стр. 112.

⁸⁴ Ленин подробно освещает этот вопрос в своих статьях, посвященных II Интернационалу.

⁸⁵ Биккал Денеш: «Hogyan működnek Olaszországban a szociális biztosító intézetek» («Деятельность институтов социального обеспечения в Италии») Munkaügyi Szemle, 1928, II. 7. стр. 227.

⁸⁶ См. прим. 85, стр. 277.

⁸⁷ См. прим. 85, стр. 278.

В области страхования от несчастных случаев не удалось так значительно увеличить имущество института, в чем большую роль играл тот факт, что капиталисты ни во что не ставили жизнь рабочих и не осуществляли даже самых элементарных защитных мер. В 1926 году, например, положение было следующее:

Число застрахованных рабочих	1.309.407
Несчастных случаев со смертельным исходом	648
Несчастных случаев с полной потерей трудоспособности	11,209
Временная потеря трудоспособности	145.172
Несчастных случаев всего	157.029

Страховые институты оказались настолько доходными предприятиями, что их число стали постоянно увеличивать, и, например, наряду с институтом страхования от болезней был создан специальный институт страхования от туберкулеза.

Весьма поучительно на основе одного примера показать адскую кухню португальского фашизма. Христианско-социалистические учения часто приводят пример салазаровской Португалии. Посмотрим, что говорит один из признанных христианских социалистов о социальной политике Салазара, призванной ликвидировать безработицу.

«До тех пор, пока число безработных не превышает одной двадцатой числа членов Народного дома, (основанного на наименьшей единице административного деления, на общине сельскохозяйственного характера — Д. А.), о них заботится Народный дом за счет собственного фонда. Если безработица превышает 5%, то Народный дом еженедельно распределяет безработных между хозяйствами, а об оплате их труда заботится, увеличивая максимум на 10% общую сумму заработной платы, уплачивавшейся до тех пор работодателями, и сокращая одновременно на столько же процентов заработную плату каждого рабочего. Если число безработных превышает даже 20%, то о занятости этих добавочных безработных заботится Общегосударственный институт труда, который в случае надобности перевозит их в другие районы для использования на общественных работах.»⁸⁸ Безработные, следовательно, работают у помещиков, которые однако оплачивают только половину их труда, другая же половина вычитывается из заработной платы остальных рабочих. Более выгодную для помещиков социальную политику трудно себе представить.

Социальная политика германского фашизма также во всем характеризовалась обесцениванием, усилением эксплуатации. Так например, трудовой закон 1938 года запретил перемену места работы, установил продолжительность рабочего дня в размере десяти часов и разрешил неограниченные сверхурочные работы. Вместе с продолжением рабочего дня реальная заработная плата рабочих не только не увеличилась, но, наоборот, сократилась. Прожиточный индекс, принимая 1913 год за 100, в 1933 году составил 118, а через пять лет после прихода Гитлера к власти уже 126. Для подавления всяческих возможных выступлений рабочих был организован трудовой фронт. Бела Ковриг, идеолог Хорти, следующим образом характеризовал эту террористическую организацию: «Что касается цели этой организации, то ее идейной целью является руководство людьми, их воспитание и образование, убеждение немущих — на основе взаимного самовоспомоществования — в том, что имущие приносят в их пользу жертвы не из жалости, а из коллективного чувства и в силу уз кровного родства. Целью, политического характера ее деятельности является учет, контроль и дисциплинирование всех личных факторов производства, подавление марксизма, мир на производстве и — отчасти в результате этого — возможно большая производительность труда, возможно более эффективное производство в интересах экономической подготовки тотальной войны.»⁸⁹

Господствующий класс, следовательно, приносил жертвы в интересах рабочего класса, посадив на его шею Гитлера и его террористов, лишив его своих социальных

⁸⁸ Михелич Рнд: «Az új portugál szociálpolitika, — A mai magyar szociálpolitika.» («Новая социальная политика в Португалии. Современная социальная политика в Венгрии». Лекции курсов по повышению квалификации административного аппарата в 1939 г., Будапешт, 1939, стр. 179.

⁸⁹ Ковриг Бела: «A német munka arcvonala» («Немецкий трудовой фронт») Munkaügyi Szemle 1939, 13. год, но. 1 стр. 3.

учреждений и организаций, продлив его рабочий день, сократив заработную плату создав трудовые лагеря и используя производительные силы не на увеличение жизненного уровня, а на подготовку и позже на ведение тотальной войны.

Нацистская социальная политика привела к презиранию слабых и их воспомоществования. Всеми средствами она способствовала селекции сильных. Она, однако не довольствовалась этим и стремилась освободиться от бремени статей социально-политического бюджета законов о стерилизации 1934 года, крематориями во время войны и другими не менее ужасными средствами. Дело в том, что их специалисты подсчитали, что стоимость стерилизации одного мужчины составляет 20 марок, а женщины — 50 марок. Согласно их калькуляции вся стерилизация должна была обойтись в 14 миллионов марок. В то же время содержание лиц, страдающих наследственными психическими и физическими заболеваниями, поглощало 350 миллионов марок. Таким образом они достигли большой экономии для потомства, а когда стерилизация сменилась крематорием, также и для себя.

VI.

Рассмотрев рождения и объективную основу концепции «государства благоденствия», необходимо остановиться и на других аспектах этого вопроса. Не одно лишь социальное законодательство являлось фактором, способствовавшим созданию теории государства благоденствия, и другие факторы сыграли свою роль в том, что на сегодняшнее буржуазно-империалистическое государство навешивается маска «благоденствия», утверждая, что оно выражает интересы всего народа и действует в его интересах. Объективным фактором, наряду с социальным законодательством буржуазного государства, способствовавшим подчеркиванию «благоденственного» характера государства, является расширение сферы экономической деятельности буржуазного государства,⁹⁰ его постоянно возрастающее вмешательство в экономику и постоянно усиливающаяся тенденция государственно-монополистического капитализма.

При империализме капиталистическое государство попадает в руки финансовых капиталистов. Они используют государство в целях обеспечения и насильного расширения своей власти, эксплуатации трудящихся, насильного подавления оных конкурентов и расширения возможностей эксплуатации.⁹¹

Конкретные формы государственно-капиталистических тенденций имеют два главных направления: а) Государственное субсидирование частнокапиталистических предприятий. Капиталистическое государство за счет трудящихся налогоплательщиков представляет крупным предприятиям материальную поддержку, чтобы их владельцы могли получать дополнительную прибыль.

б) Национализация отдельных отраслей производства или предприятий. Это также служит интересам крупнокапиталистических частных предприятий.

В ходе осуществления буржуазной национализации, капиталистическое государство берет на себя заботы о тех предприятиях, которые не обеспечивают капиталистам возможности и быстрого приобретения дохода. Государство в качестве вознаграж-

⁹⁰ См. прим. I. стр. 79. На этот же факт указывают признания отдельных буржуазных авторов: См.: Вилькенс Э.: «Problems des Wohlfahrtsstaates» («Проблема государства благоденствия») (Macht und Staat) Берлин, 1956, Тимусс Р. М.: «Essays on „The Welfare State“» («Очерки о „государстве благоденствия“») Лондон, 1959, Allen and Unwin, стр. 232. Кондлифф Д. Б.: The welfare state in New Zealand. («Государство благоденствия в Новой Зеландии») Лондон, 1959, Аллен энд Анвин, стр. 316. Фридманн В.: «Law in a changing society» («Закон в изменяющемся обществе»), Лондон, 1959, Стевенс энд Сонс. Чаптер 16: «The rule of law, the individual and the welfare State» («Законовластие, индивидуум и государство благоденствия»), стр. 485—503. Мирдал Д.: «Beyond the welfare state.» («По ту сторону государства благоденствия»), Нью-Хевен, Яле Унив. Пресс, 1960, стр. 287. «The rule of law in a free society» («Законовластие в свободном обществе»), Женева, 1960, стр. 340, (Ed. by the International Commission of Jurists.)

⁹¹ Аллен С. Д.: «Atomimperialismus» («Атомный империализм»), Будапешт, 1953. Сикра, стр. 17 и далее.

ления за национализацию обеспечивает бывшим владельцам большой доход, чем они получали ранее. Конечно, это также просходит за счет трудящихся наемного капитала. При этом управление «национализированными» предприятиями также оста-

ется в руках бывших владельцев.

Обе формы государственного монополизма усиливаются главным образом во время империалистических войн и экономических кризисов.⁹² Во время войны капиталистическое государство осуществляет значительные капиталовложения военного характера, строит заводы и т. д. Построенные предприятия в большинстве своем переадресуют для эксплуатации крупным монополиям, получающим, таким образом, почти без всяких капитальныхложений огромные прибыли. После войны в большинстве случаев эти монополии по дешевой цене скупили построенные государственным средством предприятия. Так например, крупные металлургические комбинаты в штате Юта, построенные государством во время второй мировой войны за 191 миллион долларов, после войны были куплены у государства крупным стальным трестом Юнайтед Стейт Стил Корпорейшн за 47,5 миллионов долларов. Еще более значительным методом разоружения монополий на войне являются приписки к ручкам военных заказов с использованием позиций в государственном аппарате. Такое подчинение капиталистического государства монополиям значительно продвинулось уже во время первой мировой войны. Еще больших размеров достигло оно во время второй мировой войны и в последующие за ней годы. Эту форму государственного капитализма можно рассматривать как военно-монополистический государственный капитализм.

Военно-монополистическая форма господства капитала над государством является раем для капиталистов и торжеств и расцветшей нишестой для рабочих.⁹³ Характерным в этом отношении является положение в Соединенных Штатах Америки. Государственно-капиталистические тенденции значительно усиливаются и во время экономических кризисов. Это особенно наглядно во время экономического кризиса 1929—33 г. г. и кризисов последовавшего после второй мировой войны. В период экономических кризисов главной задачей государственного капитализма является переложение бремени кризиса на плечи трудящихся как экономическими, так и административными средствами, оказание материальной помощи монополиям за счет налогов, выжатых из трудящихся, подготовка и проведение рубительских войн, как выхода из кризиса.

Военно-монополистический государственный капитализм означает усиление эксплоатации и угнетения трудящихся. В то же время он увеличивает прибыль крупного капитала, ускоряет концентрацию капитала, способствуя обострению противоречий капитализма, усиление государственно-капиталистических тенденций еще больше подкапывает шаткое здание капитализма, ускоряет гибель капиталистического строя.

Государственно-монополистический капитализм характеризуется прежде всего вмешательством буржуазного государства в экономику, что означает не только передачу в руки государства отдельных предприятий, но принимает такую же множество различных форм.⁹⁴ Так например, государство снабжает капиталистические предприятия сырьем, размещает у них заказы, обеспечивает для них рабочую силу и т. д. Значительство капиталистического государства в экономическом смысле является, весьма высоким уровнем общественого труда вызывает необходимость государственного регулирования производства. В рамках государственно-монополистического капитализма капиталистические производственные отношения проявляются в сложной форме, сама государственная монополия капитализма является ничем иным, как формой проявления капиталистического обобществления производства. Одним из выражений государственного монополистического капитализма является национализация бывших приватизированных предприятий. Однако большого успеха⁹⁵ Дело в том, что внутри системы государственно-монополи-

⁹² См. прим. 91, стр. 19 и далее.

⁹³ Хилфердинг Р.: «A tñancók, A kapitalizmus legújabb fejlődési szakaszának

vizsgálata. (Финансовый капитал. Анализ новейшего периода империализма)», Буда-

пешт, 1959. Közzadást és jogi Könyvtárado, стр. 327 и далее.

⁹⁴ «Политическая экономия» Ученник, Москва 1954, Госполитиздат, стр. 258 и далее.

⁹⁵ Фостер В. 3.: Az Egyesült Államok Kommunista Pártjának története. («История коммунистической партии Соединенных Штатов»), Будапешт, 1953, Сикра,

тического капитализма продолжают действовать экономические законы капитализма, и это они регулируют производство. Государственное вмешательство в США осуществляется прежде всего через государственные заказы; особенно значительную роль играют военные заказы. Так например, военные расходы в центральном (Федеральном) бюджета США в период с 1938 по 1958 год складывались следующим образом:

	1938	1944	1948	1957	1958
	г о д ы				
Общая сумма центрального бюджета (в млрд. долл. по текущим ценам)	6,9	95,3	33,7	79,5	87,4
В т. ч. военные расходы (в млрд. долл. по текущим ценам)	1,1	75,9	11,9	45,3	45,6
Военные расходы в $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ к общей сумме центрального бюджета	15,9	79,6	35,3	56,8	52,1
Военные расходы в $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ к национальному доходу	1,6	41,6	4,6	12,2	12,3

Подобное же положение наблюдается в Англии.⁹⁶

Вмешательство современного империалистического государства в экономику, следовательно, происходит не в интересах общества, а в интересах капиталистов, причем финансовых капиталистов, даже в том случае, если экономические мероприятия капиталистического государства сталкиваются интересами отдельных капиталистов.

Целью вмешательства империалистического государства является не увеличение благосостояния общества, а возможно наилучшее обеспечение действия основного экономического закона капитализма, закона прибавочной стоимости. Игнорирование интересов народа, усиление угнетения и эксплуатации является основной чертой и в то же время сущностью деятельности империалистического государства.

Вышеприведенная таблица опровергает утверждение, согласно которому капиталистическое государство является государством «благоденствия», соблюдающим интересы всего народа. Ясно, что вывеска «благоденствия» совсем не подходит к империалистическому государству.

Подобное же положение наблюдается в отношении налоговой системы. Обложение налогами в капиталистических государствах показывает весьма прогрессивную картину. Налоговый коэффициент на большие доходы выше, чем на низкие. Кажется, что таким образом империалистическое государство регулирует возможные наживы капиталистов и изымает значительную часть их прибыли на различные государственные нужды. На самом же деле речь идет лишь о том, что эти суммы путем государственных заказов возвращаются финансовым капиталистам. Подобное же положение наблюдается в области кредитной политики и государственных долгов.

Рассмотренные выше подробно социально-экономические льготы, социальное законодательство, а также рост государственного монополизма являются основой «объявления империалистического государства государством «благоденствия», проповедывания того, что функция империалистического государства преобразуется и целью его является осуществление общественных (а не классовых!) интересов, перераспределение национального богатства в интересах народа, населения. Это, ес-

⁹⁶ «Korunk kapitalizmus.» («Современный капитализм») авторы: Хаас Арпад, Хай Ласло и др., т. I, Будапешт, 1961, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. стр. 77.

тественно, означало бы, что империалистическое государство противостоит и интересам монополий, что империалистический государственный аппарат не подчинен монополиям, что монополии не используют империалистическое государство в интересах обеспечения высокой монопольной прибыли. В действительности, однако, дело обстоит совершенно иначе.

Экономическая власть, сконцентрированная в руках финансового капитала, означает одновременно и политическую власть. В капиталистических странах государство является государством монополистических капиталистов. Хозяева монополий подчиняют себе государство и используют его в целях обеспечения максимальной прибыли и угнетения трудящихся. Это подчинение и использование государства осуществляется путем так называемой «персональной унии» государственной власти и финансовой олигархии. Эта персональная уния означает, что между финансовыми капиталистами и правительствами создаются весьма прочные личные связи. Если посмотреть на так называемых «политиков» империалистических стран, то окажется, что многие из них находятся в тесной связи с монополиями и сами зачастую являются совладельцами предприятий-гигантов.

Господство финансового капитала для трудящихся означает диктатуру. Демократия империалистических стран предоставляет трудящимся массам лишь бумажные права. Избирательное право ограничено, и даже при формально широком избирательном праве рабочие и вообще трудящиеся лишаются возможности свободного изъясления своей воли при помощи развитых методов.⁹⁷

В руках финансового капитала находится весь аппарат пропаганды. Им служат радио, кино, печать, и в тоже время они преследуют прогрессивные газеты, высылают частных деятелей искусства. Издаваемые миллионными тиражами капиталистические газеты, радиокампании крупных капиталистов заливают всю страну потоками лжи. Они ведут травлю против Советского Союза и стран народной демократии, развивают военную пропаганду. Естественно, политическая власть финансового капитала зиждется главным образом на «персональной унии», с помощью которой он подчиняет себе государство. Капиталистическое государство всеми силами интересуется финансовым капиталом. Вследствие растущего угнетения со стороны финансового капитала обостряется классовая борьба между рабочим классом и классом капиталистов. Рабочий класс в этой борьбе использует буржуазно-демократические свободы, завоеванные трудящимися массами. Для буржуазии поэтому эти свободы становятся обузой от которой она стремится освободиться. Поэтому пишет Ленин, что тенденция империализма как во внешней, так и во внутренней политике направлена на прорыв демократии, на реакцию.⁹⁸

Финансовый капитал — со времени своего появления — означает усиление политического угнетения и реакции. Эта роль финансового капитала особенно сильно проявляется в эпоху общего кризиса капитализма. Рост сферы деятельности империалистического государства служит интересам монополий. Буржуазное государство в действительности является благодетелем эксплуататорских классов и совершенно не заботится об удовлетворении потребностей населения (в огромных размерах растет безработица, сокращается реальная заработная плата и т. д.).

Наряду с довольно широкой рекламой концепции государства «благоденствия», в буржуазной «науке» возникает вопрос, существуют ли границы вмешательства буржуазного государства в экономику, вездесущ ли буржуазное государство.⁹⁹ Несомненно, к этому вопросу различные группы класса капиталистов относятся по-разному: по-другому капиталист-монополист и по-другому мелкий и средний буржуа. Монополистический капитал использует государство. Мелкая и средняя буржуазия требует ограничения государства «благоденствия», протестуя против того, что государство «благоденствия» может нападать на частную собственность, на существующий законный порядок. В соответствии с этим делаются попытки объединить государство «благоденствия» с «государством права», с «Rule of law» и заявляют, что «государство благоденствия» не должно переступать границы правопорядка, не должно нападать на парва и свободы, определенные правопорядком.

⁹⁷ Topez M.: *Válogatott cikkek és beszédek.* («Избранные статьи и речи»), Будапешт, 1952, Сикра, стр. 152 и далее.

⁹⁸ Ленин В. И.: Сочинения т. 2 Будапешт Сикра 1951 стр. 272 и след.

⁹⁹ См. прим. I, стр. 85, и далее.

В то время как буржуазные теоретики изучают вышеизложенный вопрос, право-социалистическая идеология старается анализировать связь между «государством благоденствия» и социализмом.¹⁰⁰ Они проповедуют взгляд, согласно которому капиталистическое общество и государство могут перерасти в «социалистические» и этот переход обеспечивается «государством благоденствия», являющимся уже «надклассовым» и полусоциалистическим. В связи с этим возникает вопрос связи социалистической революции и буржуазного государства. Дело в том, что вышеупомянутая теория направлена против диктатуры пролетариата и стремится удержать пролетариат от борьбы против капиталистического государства.

В действительности же «государство благоденствия», т. е. буржуазное государство, и его общество характеризуется паразитизмом и загниванием.¹⁰¹ При империализме создаются так называемые страны «рантье» или другими словами страны «ростовщики», крупные капиталисты которых, не имея никакого отношения к производству, выжимают кровь и пот огромного большинства капиталистического мира.

Для характеристики посмотрим данные двух главных стран — ростовщиков:¹⁰² В соединенных Штатах национальный доход за период с 1913 по 1931 год увеличился на 62%, за это же время доход рантье, т. е. сумма выплаченных процентов и дивидендов по акциям, возросла на 350%. В Англии в 1931—32 г. бездельники-рантье положили в карман около 350 миллионов фунтов стерлингов, т. е. 10% всего национального дохода. Доходы рантье увеличиваются, благодаря огромной военной гонке вооружений. Американские акционерные общества после второй мировой войны все еще получили более 53 миллиардов долларов чистой прибыли. После второй мировой войны вследствие постоянно растущей гонки вооружений хозяева американских акционерных обществ положили в карман в 1947 году 17,4 миллиардов и в 1948 году 20,8 миллиардов долларов чистой прибыли. Вследствие преступной войны против корейского народа и лихорадочной подготовки к третьей мировой войны прибыль американского монополистического капитала бурно росла из года в год.

Чистая прибыль монополий Соединенных Штатов Америки — как это было показано выше — достигла астрономических размеров. Кровь солдат, воюющих в Корее, американские монополии превратили в золотой дождь для себя. Миллионеры предоставляют большие займы государству и получают огромные проценты. Эти проценты являются миллиардами, плывущими из налогов населения в руки господ миллиардеров и их милостивое согласие на то, чтобы крестьяне и рабочие убивали и калечили друг друга, решая вопрос о том, каким образом должны распределяться прибыли капиталистов. В империалистических странах военные бюджеты достигают астрономических цифр, и в соответствии с этим растут и доходы миллионеров.

Паразитизм отражается и на занятиях слоев, живущих за счет заработка, в империалистических странах. Все больше людей требуется для личного обслуживания и удостоверения рантье, развиваются излишние отрасли производства, изготовляющие средства роскоши, служащие удовлетворению причуд всего нескольких десятков тысяч людей. Таким образом, в обществе появляется все больше людей, занимающихся непродуктивным трудом, труд которых является лишним с точки зрения большинства общества. В Америке уже в 1930 году 39% зарабатывающего населения было занято различным прямым или косвенным обслуживанием богатей.

То обстоятельство, что несколько самых богатых капиталистических стран обирают весь капиталистический мир, позволяет крупным капиталистам этих стран за крохи их огромных прибылей купить верхушку своего рабочего класса. Этот привилегированный слой является рабочей аристократией.¹⁰³ Рабочие аристократы являются такими элементами, которые за немного более высокую заработную плату, за более оплачиваемые должности и т. д. предают собственный класс и становятся послушными лакеями монополистов. Капиталисты нуждаются в этих рабочих предателях для

¹⁰⁰ Н. С. Хрущев: «За новые победы мирового коммунистического движения» — «За мир и социализм», 1961, № 1, а также Харвей Д. — Худ К.: «A brit állam» («Британское государство») Будапешт, 1960, Кошшут, стр. 265.

¹⁰¹ См. прим. 98, стр. 286 и далее.

¹⁰² См. Йене Вапра: *Az imperializmus gazdaságának és politikájának fő kérdései* («Главные вопросы экономики и политики империализма») 2-е изд., Будапешт, 1958, Кошшут, стр. 683.

¹⁰³ Борш Пал: «*Merre tart Nyugat-Németország?*» («Куда идет Западная Германия?»), Будапешт, 1959, Кошшут, стр. 112.

того, чтобы через них разоружить революционную борьбу рабочего класса, поставить организации пролетариата на службу финансового капитала. Из рабочей аристократии происходят предатели-социал-демократы, как в прошлом, так и в настоящем стремившиеся подорвать единство рабочего класса. Правые социал-демократы как в Англии и Франции, так и в Соединенных Штатах и в других капиталистических странах полностью прислуживают собственным крупным капиталистам и американским империалистам. Купленные крупными капиталистами рабочие аристократы являются ярыми врагами Советского Союза и стран народной демократии и главными проповедниками военных планов империалистов.

Упадок капиталистического строя в эпоху империализма наблюдается также в его постоянно усиливающемся загнивании. В период своего формирования капитализм отличался от предыдущего общественного строя тем, что производительные силы развивались с огромной быстротой, создавалась современная индустрия, сформировалась современная банковская система и т. д. Все это привело к значительному обобществлению производства. Таким образом, капиталистический строй несмотря на все угнетения, до периода империализма прогрессивен. Капитализм в период империализма уже не способствует прогрессу, наоборот он становится препятствием развития общества. Развитие производительных сил замедляется. Огромные капиталы, сконцентрированные в руках крупных монополий, высокий уровень развития производства и техники могли бы привести к ускорению развития производительных сил, но монополии употребляют свою экономическую мощь не на ускорение развития производства, а, наоборот, часто на его торможение. Почему? Во-первых потому, что монополии не хотят путем значительного расширения производства подрывать цены, искусственно поддерживаемые на высоком уровне, и, во-вторых, потому, что монополии вкладывают в производство огромный основной капитал (машинное оборудование, здания и т. д.), и значительное развитие средств производства означало бы, что они должны вкладывать новый капитал прежде, чем возместился старый основной капитал. Чем более организованно и специализированно происходит производство изделий на огромных предприятиях, тем более больше стоит осуществление малейшего изменения. Монополии чрезвычайно часто препятствуют применению нового изобретения. Так например метод изготовления синтетического бензина и каучука был известен уже после первой мировой войны, однако крупные нефтяные и каучуковые монополии скупили патенты и старались воспрепятствовать значительному расширению производства. В империалистических странах и сегодня десятилетия хоронят различные изобретения, так как вследствие нищеты масс и узкой покупательной способности не могут реализовать даже товары, изготовленные существовавшими уже методами производства.

Наряду со всеми этими определениями было бы ошибочно предполагать, что при господстве монополий развитие техники останавливается. Речь идет о том, что развитие техники подчинено интересам монополий.¹⁰⁴

Многие технические новшества увидели свет в интересах войны и, следовательно, монопольной прибыли. Радиолокационная установка, реактивный самолет и другие изобретения также доказывают развитие техники. Но эти средства ставятся империалистами на службу не созидания, а разрушения. Наиболее убедительно показывает это применение атомной энергии.

Усиление загнивания приводит в конце концов к появлению тенденции сокращения производства. Это характеризуется фактом, что индекс промышленного производства США — принимая уровень производства 1929 года за 100 — с 1929 по 1949 год достиг всего лишь 60%-ного роста. За этот же период промышленное производство Советского Союза увеличилось со 100 до 870, т. е. почти в девять раз. Нужно учитывать, что в течение этих 20 лет промышленное производство США несколько раз значительно сокращалось. С 1929 по 1937 год рост составил всего лишь 2,9%, в 1939 году промышленное производство сократилось до 93% уровня 1929 года. Если бы не было второй мировой войны, экономика США осталась бы в состоянии депрессии и находилась на уровне приблизительно 1929 года или еще ниже. Во время второй мировой войны производство США вследствие увеличения военного производства скачкообразно увеличилось, затем после войны снова сократилось. Новый подъем начался лишь вслед за грабительской войной, разожженной против корейского народа и безумной гонкой вооружений. Это объясняется тот факт, что промышленность США

¹⁰⁴ См. прим. 91, стр. 149 и далее.

1951 году произвела продукции в два раза больше чем в 1929 году. В то же время выпуск промышленной продукции в Советском Союзе в период 1929—1951 гг. увеличился почти в тринадцать раз. Несмотря на то, что на территории соединенных Штатов со времени гражданской войны 1863 года не велось военных действий, развитие производства в период между 1929 и 1949 гг. составило в среднем всего лишь 20% в год. В то же время на территории Советского Союза бушевала война, война советского народа против немецко-фашистских орд была самой ужасной и самой тяжелой. Даже при таких условиях среднегодовое развитие превысило 40% в год.

Можно сказать, что капитализм неспособен в мирных условиях использовать производительные силы, переросшие капиталистические отношения, он может это делать, только готовясь к войне или ведя войну. т. е. ставя их на службы разрушению.

В эпоху упадка капитализма, при империализме, обостряются все противоречия капиталистического строя. Значительное обострение противоречий капитализма в 1914 году заставило вспыхнуть первую мировую войну. Эта война, являвшаяся со стороны участвовавших в ней держав несправедливой, империалистической грабительской войной, еще более обострила противоречия капитализма, усилила упадок капиталистического строя, подорвала капитализм в политическом и экономическом отношениях.

7 ноября (25 октября) 1917 года рабочий класс России в союзе с бедным крестьянством, под руководством Большевицской партии и Ленина, проявлял беспримерное мужество, сверг власть капиталистов. За период с ноября 1917 года по январь-февраль 1918 года победа революции распространилась на всю Россию. Родилось государство нового типа — диктатура пролетариата. Победа Великой Октябрьской Социалистической Революции нанесла капитализму смертельную рану, от которой капитализму никогда не вылечиться: Капитализм поколеблен, его загнивание усилилось, противоречия обострились до крайности. Таким образом, в период первой мировой войны начался общий кризис мировой системы капитализма.

Общий кризис капитализма не следует смешивать с периодически появляющимися кризисами перепроизводства.¹⁰⁵ Кризисы перепроизводства, начиная с двадцатых годов прошлого столетия периодически повторяются приблизительно каждые 7—10 лет. Общий же кризис капитализма, начавшийся в период первой мировой войны, означает кризис всей капиталистической системы и является эпохой агонии капитализма. Общий кризис проявляется как в области политики, так и экономики и культуры.

Общий кризис капитализма распространяется не на одну или несколько капиталистических стран, а на всю мировую систему капитализма. Как видно, это не просто экономический кризис, а кризис, распространяющийся на все области общественной жизни. Именно поэтому мы называем его общим кризисом мировой системы капитализма.

Характеристика общего кризиса мировой системы капитализма показывает, эпоха разложения империализма, крушения капитализма, эпоха мировой пролетарской революции. Эта эпоха — эпоха общего кризиса мировой системы империализма началась с первой мировой войны и особенно с Великой Октябрьской Социалистической Революции и кончится только с уничтожением капитализма.

В эпоху общего кризиса загнивание капиталистического строя усиливается в огромных размерах. Мощность предприятий, заводов не используется полностью не только во время экономических кризисов, но даже в период подъема и конъюнктуры. В период 1929—34 г. г. производственная мощность обрабатывающей промышленности США была использована лишь на 57%. Это означало, что 43% заводов, предприятий, машин оставалось неиспользованными. Подобное положение наблюдалось в остальных капиталистических государствах, так например, в Германии в период 1929—36 г. г. использование средств производства составляло всего лишь 52,8%. Это явление в значительной мере препятствует развитию производства, общества. И это усугубляется тем, что экономические кризисы и империалистические войны уничтожают огромные количества средств производства и потребительских изделий. Все говорит о том, что капиталистический строй пережил себя, его загнивание чрезвычайно прогрессирует. О том, насколько погибающий капитализм стал препятствием развития производительных сил, говорит и тот факт, что темп экономического развития буржуазных стран в период общего кризиса значительно замедлился.

¹⁰⁵ См. прим. 102, стр. 11 и далее.

В отчете на XVIII съезде партии подчеркивалось, что промышленность главных капиталистических стран за прошедшие с 1913 по 1938 г. г. 25 лет топталась вокруг довоенного уровня и превысила его всего на 20—30%. Если принять во внимание, что общая численность населения капиталистических стран за этих четверть века возросла всего приблизительно на 15% и что все большая часть производства направляется на военные цели, можно установить, что количество промышленной продукции, приходящееся на душу населения в течение этой четверти века осталась почти неизменной.

В период общего кризиса капитализма одним из самых ужасных проявлений загнивания является многомиллионная безработица.¹⁰⁶ В 1929 году, на вершине подъема, в капиталистическом мире насчитывалось 6 миллионов безработных. В 1932 году, на самой глубокой точке кризиса, число безработных возросло до 26 миллионов и до 1937 года оно никогда не падало ниже 20 миллионов. Эти цифры означают лишь грубое приближение к действительности. Если к этому доавить безработных сельскохозяйственных рабочих, работающих на дому, домашнюю прислугу и т. д., мы получим еще гораздо большую цифру.

Обострение проблемы рынка также является одной из основных черт общего кризиса капитализма.¹⁰⁷ Капитализм не может расширять свои рынки в такой мере, чтобы это соответствовало расширению производственных мощностей. Причин тому есть несколько. С точки зрения расширения капиталистического рынка весьма важным явилось завоевание колоний. Оно, однако, закончилось. Теперь уже речь идет может идти только о том, чтобы захватывать колонии друг у друга, насильственно перераспределить их. Это не увеличивает рынка всего капитализма, а лишь долю отдельных хищников за счет остальных. Проблема рынка с углублением общего кризиса капитализма становится все более серьезной. Крупные капиталистические монопольные предприятия путем применения своей экономической и политической силы сокращают заработную плату, держат цены на высоком уровне, разоряют мелких производителей и тем самым сокращают покупательную способность масс. Затягивающиеся сельскохозяйственные кризисы повергают в нищету огромные массы сельскохозяйственного населения. Все это сокращает покупательную способность потребительского рынка. Среди причин обострения рыночной проблемы стоит отметить также тот факт, что хотя империалистические державы препятствуют развитию промышленности колониальных и зависимых стран, в этих странах, если даже и медленно, в определенной степени развивается промышленность и это увеличивает конкуренцию, борьбу за рынки. И, наконец, — что особенно важно — Советский Союз, т. е. одна шестая часть земного шара, а затем с помощью Советского Союза дальнейшие значительные страны просто перестали быть рынками развитых капиталистических стран, на которые они могли по своему усмотрению навязывать различные товары или экспорт капитала.

Европейские страны народной демократии и Китай после второй мировой войны вырвались из оков империализма. Сформировалось два противостоящих враждебных друг другу лагеря: единый и могущий противостоящий лагерь капитализма лагерь социализма и лагерь отмирающего капитализма. Вследствие второй мировой войны распался этот всеобъемлющий рынок. Это обстоятельство в значительной мере углубило обострение общего кризиса после второй мировой войны.

После первой мировой войны вследствие сокращения жизненного уровня масс и выделения одной шестой части земного шара из капитализма для капиталистов рынки значительно сузились. Различные монополистические группы в целях дальнейшего обеспечения своих высоких прибылей еще в большей мере усилили экономическое и политическое порабощение колониальных и полуколониальных стран. В результате беспощадной эксплуатации со стороны монополий и развития колоний, а также под влиянием победы Октябрьской Революции движение колониальных и полуколониальных народов против империализма, за национальную независимость в период между двумя мировыми войнами вступило в новый этап и получило всемирный размах и значение. Это движение вырвалось из предшествовавшей первой мировой войны изолированности и превратилось в огромное движение, объявившее Азию и Африку.

¹⁰⁶ См. прим. 100, стр. 11, 32 и далее

¹⁰⁷ См. прим. 94, стр. 308 и далее.

Господствующие круги империалистических держав угнетателей испугались такого широкого разгорания колониальных войн — одной из выдающихся страниц которых явилась революционная война в Китае — и использовали все средства для того, чтобы подкупить феодальные слои или формирующуюся буржуазию поработенных стран и заручиться их союзом. Предательство колониальной буржуазии, однако, вскоре было разоблачено в этих странах. Дело освободительной борьбы в Азии и поработенных странах других частей света взял на себя промышленный пролетариат. Коммунистические партии стали спланировать вокруг себя не только угнетенные массы рабочего класса, но и миллионы ограбленных колониальных крестьян. Роль рабочего класса и его партии резко повысилась, благодаря чему национальные движения стали еще более значительным фактором мировой политики. Эти движения не были сломлены, а наоборот, из года в год усиливались, несмотря на самое варварское угнетение и беспощадный террор со стороны империалистов.

Подводя итоги, можно сказать, что в период между двумя мировыми войнами продолжалось усиление противоречий между империалистическими державами и колониальными странами, что нашло свое выражение в развитии кризиса империалистической колониальной системы.¹⁰⁸ При помощи концепции «государства благоденствия», отдельных мероприятий и мелких социальных уступок невозможно ликвидировать это противоречие.¹⁰⁹

Развитие права, правда, знает примеры и таких законоположений, в которых интересы угнетенных также получали «признание» и защиту. Такими являлись: признание раба как объекта права, законоположения, декларировавшие освобождение крепостных, при капиталистическом общественном строе — правовое регулирование рабочего дня и законы по вопросу улучшения условий труда несовершеннолетних, введение всеобщего избирательного права и т. д. Границы этих уступок всегда определялись интересами эксплуататорских господствующих классов, сложившимися в конкретной исторической обстановке, и поэтому эти «уступки» являлись уступками классового характера. Эти уступки вынуждались борьбой угнетенных классов. Интересы угнетенных классов получали признание и защиту со стороны законодательства лишь тогда и постольку, когда и поскольку этого требовали интересы господствующих классов, или когда и поскольку объективный ход развития общества вынуждал их это сделать. В результате борьбы рабочего класса буржуазия все чаще бывает вынуждена уступать требованиям угнетенных масс, руководимых рабочим классом и его партиями, но только в том случае, если открытое столкновение грозит буржуазному строю крушением и обеспечение классового господства может быть куплено уже только этой ценой.

Законоположения, снабженные эпитетом «социальные», в определенной степени представляют защиту интересов и подчиненным классам, и даже в отдельных случаях содержат положения, «ограничивающие монополии». Правовые и социальные «льготы», предоставляемые «государством благоденствия», и сами по себе имеют лишь довольно относительную ценность и недостаточны для того, чтобы законоположения, относимые к этому кругу, можно было назвать «надклассовыми». Право капиталистического общества, несмотря на «льготы» и завоевания, но в частности, ни в целом не становится нейтральным в классовом отношении. Право, содержащее уступки, остается классовым правом, на создание которого господствующие классы были вынуждены при данных исторических условиях. Эти относительной ценности льготы не должны недооцениваться с точки зрения более слабых в экономическом отношении, эксплуатируемых классов, ибо они предоставляют и рабочему классу возможность

¹⁰⁸ См. прим. 91, стр. 202 и далее, а также прим. 102, стр. 296 и далее.

¹⁰⁹ Особенно см.: Хейнс А.: «Five years of welfare state» («Пять лет государства благоденствия») Фортнайт, 1953 (1039), стр. 21—25. Эйзенштат: «Israel's problems as a welfare state.» («Проблемы Израиля как государства благоденствия»), Мид. Ист. Афф., 4, 1953 (5), стр. 161—165. Пижон А. К.: «Quelques aspects du „welfare state“». («Некоторые аспекты „государства благоденствия“»), Дюжен, 1954, стр. 3—18. Робсон В. А.: «India as a welfare state» («Индия как государство благоденствия») Полит. Кварт. 25, 1954 (2), стр. 116—131. Кист Х.: «The individual in the welfare state.» («Индивидуум в государстве благоденствия»), Индастр. Лой Рев., 9, (1954), (2), стр. 135—141. Бонн М. Я.: «Paradoxon eines Wohlfahrtsstates.» («Парадокс государства благоденствия»), Ауссенполитик, 4, 1953, (4), стр. 226—233.

более благоприятных условий для борьбы со всеми формами эксплуатации. Этой же целью руководствуется рабочий класс в своей борьбе за соблюдение буржуазной законности. Борьба, ведущаяся в более благоприятных условиях, способствует победе социализма на всем земном шаре.

VII.

Основным критерием общего кризиса капитализма является распад мира на две системы и борьба этих двух систем — отмирающего капитализма и развивающегося социализма.

В результате Великой Октябрьской Социалистической Революции был создан Советский Союз — первое в мире социалистическое государство. За первой мировой войной во многих странах последовала революция, однако, кроме России эти революции были подавлены буржуазией при помощи правой социал-демократии. Таким образом, за исключением Советского Союза, в остальных странах господство капитализма временно стабилизировалось. Победа социализма не осуществилась; следовательно, одним махом во всем мире. Мир распал на две системы: в Советском Союзе, составляющем одну шестую всего мира, была создана система социализма, но в остальной части света сохранился капитализм. Эпоха общего кризиса капитализма является эпохой непрерывной борьбы между этими двумя системами.

Имеются, однако, различные формы этой борьбы. Она может протекать при помощи средств войны и путем мирного соревнования.

Советский Союз с момента своего существования проводит непоколебимую мирную политику и желает мирного сосуществования с остальными странами, независимо от их общественного устройства. Мирная политика Советского Союза происходит из социалистического общественного строя. В Советском Союзе нет эксплуататоров, военных спекулянтов, кому война была бы на руку. Советский народ осуществляет огромную работу по строительству социализма, а теперь уже — коммунизма, и для этого он нуждается в мире. Принципиальную основу мирной политики Советского Союза составляет учение Ленина о возможности мирного сосуществования двух систем, об их мирном соревновании. Ленин ставил перед советским народом задачу как только можно долго предотвращать вооруженное нападение на Советский Союз и тем самым обеспечивать время для укрепления пролетарской революции и нового экономического строя. Необходимо устанавливать с капиталистическими странами и торговые контакты, чтобы при помощи этих контактов ускорять экономическое возрождение, заложение основ социализма, строительство социализма. Необходимо доказать миллионам трудящихся капиталистических стран с большим вниманием следящим за успехами Советского Союза, что социалистический строй лучше, чем капитализм, и тем самым поощрять их на то, чтобы они следовали примеру Октябрьской Революции.

В мирном соревновании двух систем все более проявилось преимущество Советского Союза над отмирающим капитализмом. Когда в капиталистическом мире свирепствовал большой кризис 1929—33 г. г., трудящиеся Советского Союза обеспечили торжество своего первого пятилетнего плана, при помощи которого объем промышленной продукции в стране был увеличен по сравнению с уровнем 1913 года в три раза. В сельском хозяйстве победило социалистическое крупное хозяйство, колхоз, в результате чего в несколько раз выросли урожаи. Были созданы новые огромные индустриальные районы; Советский Союз из отсталой аграрной страны превратился в мощную индустриальную державу с высокоразвитым сельским хозяйством. Ликвидирована безработица, с тех пор незнакомая советским людям. Более чем в два раза увеличился выпуск промышленной продукции, Советский Союз занял место среди самых развитых индустриальных стран. Реальная заработная плата трудящихся по сравнению с 1913 годом увеличилась в четыре раза. Денежные доходы колхозников за пять лет утроились. Во всех отраслях советского хозяйства победили социализм.

В течение прошедшего с того момента времени Советский Союз продолжал совершенствовать свое победное шествие. Героический советский народ в период третьего пятилетнего плана, Великой Отечественной войны и последовавшего затем мирного созидательного труда нес знамя социализма от победы к победе, и, таким образом, с особой силой проявилось преимущество социалистического общества над капитализ-

мом. Благодаря преимуществу социалистического общества, Советский Союз смог с победой и — вопреки расчетам империалистов — окрепнув выйти из бури второй мировой войны. Огромные достижения мирного созидательного труда послевоенного периода также отражают это преимущество. Промышленность Советского Союза в 1952 году производила продукции в 2—3 раза больше, чем в 1940 году. Подавляющее превосходство социалистического сельского хозяйства также проявилось как во время войны, так и в период мирного строительства. Посевная площадь всех сельскохозяйственных культур в 1952 году на 5,3 миллионов гектаров превышала довоенный уровень. Повысилась урожайность и объем продукции. Так например, пшеницы в Советском Союзе в 1952 году производилось почти в полутора раза больше, чем в 1940 году.

Успехи народного хозяйства Советского Союза привели к дальнейшему подъему материального и культурного уровня советского народа. Важнейшим показателем этого является тот факт, что национальный доход в Советском Союзе составляет общественное достояние трудящихся. Около 2/3 всего национального дохода служат удовлетворению личных материальных и культурных потребностей трудящихся. В результате увеличения национального дохода значительно выросли реальные заработная плата советских рабочих и служащих, а также реальные доходы колхозного крестьянства. Рост реальной заработной платы проявляется и в последовательном снижении цен предметов широкого потребления, проводимого Коммунистической партией Советского Союза и Советским Правительством. За период с 1947 по 1952 г. г. цены были снижены советским правительством пять раз. В результате этого цена на продукты продовольствия и промышленные изделия в конце 1952 года в среднем были на 50% ниже, чем в четвертом квартале 1947 года. Последовавшие затем дальнейшие снижения цен привели к дальнейшему значительному сокращению уровня цен.

В свете успехов Советского Союза еще более ясно проявляется загнивание отмирающего капитализма. Само существование Советского Союза оказывает революционизирующее действие и подкапывает основы капиталистического строя во всем мире. Советский Союз до корней обнажает все противоречия капитализма и, собрав их в один узел, превращает их в вопрос жизни или смерти самого капиталистического строя.

Победное строительство социализма, а затем коммунизма в Советском Союзе обостряет противоречия между капиталистами и рабочими капиталистических стран. Рабочие видят, что социализм может быть осуществлен и на практике, что есть уже страна, где не существует эксплуатации, не существует безработицы, нет кризисов.

Огромные успехи социалистического сельского хозяйства Советского Союза производят огромное впечатление на крестьянство капиталистических стран, угнетенное и прозябающее в беспросветной нищете. Это страна социализма впервые в истории открыла дорогу к подъему трудового крестьянства, и это здесь впервые после многих столетий рабства и голода перед крестьянами распахнулись ворота существования зажиточного, культурного достойного человека.

Колониальные народы в успехах Советского Союза черпают поощрение к своей освободительной борьбе. В нем они видят для себя пример, ибо они знают, что Советский Союз является первой в истории страной, в которой ликвидировано всякое угнетение и которая живет на равнoprавии всех наций, живущих в стране. На примере Советского Союза, участвя они, как разорвать свои цепи, как завоевать свободу и независимость. Пример Советского Союза показывает им путь, ведущий к мирному сосуществованию народов, к зажиточной жизни, к расцвету культуры, науки и искусства.

Страна победившего социализма является путеводным факелом для всех угнетенных и эксплуатируемых трудящихся мира, для всего прогрессивного человечества. Поэтому бояться капитальсты всего света мирного развития Советского Союза, и поэтому стремятся они с самого начала к его уничтожению. В 1918—20-ых годах 14 империалистических стран бросили свои грабительские орды на молодое советское государство. Советский народ в героической борьбе изгнал из своей страны империалистических агрессоров. Империалисты не смирились со своим поражением, они снова и снова ковали военные планы. В течение 20-ых и 30-ых годов они совершили множество провокаций против Советского Союза. В 1941 году откормленные па деньги англо-американских империалистов немецкие фашисты и их приспешники бросились на мирное население Советского Союза. Советский Союз выдержал и это испытание, вторая мировая война кончилась полным разгромом агрессоров, великой

победой Советского Союза. И хотя во второй мировой войне, в результате победы Советского Союза продолжалось ослабление капитализма и снова значительные территории вырвались из цепей империализма — сформировались страны народной демократии, победила народная революция в Китае, — империалисты ничему не научились и ныне готовятся к новой войне против Советского Союза.

События периода, прошедшего со времени первой мировой войны говорят о том, что во всех формах борьбы двух систем, как во время интервенционных войн, так и в период мирного соревнования, побеждал социализм. Создание и укрепление Советского Союза решило судьбу капитализма, упадок которого начался уже в начале столетия. В то время как капитализм во все убыстряющемся темпе движется к своей окончательной гибели, силы, социализма растут с каждым днем. Советский Союз сегодня сильнее, чем когда-либо. С каждым днем растут его сила и популярность, доверие и любовь, которые питают к нему трудящиеся капиталистических стран. Государству «благоденствия», то есть империалистическому государству весьма далеко до социалистического государства, деятельность которого действительно направлена в интересах постоянного, истинного благоденствия всего народа.

ÉLÉMENTS DE LA PRATIQUE DU CAPITALISME, ILLUSTRATION DE LA THÉORIE DU „WELFARE STATE”

par

M. GY. ANTALFFY, professeur

(Résumé)

I.

La conception du „Welfare State” est une „alternative” bourgeoise-réformiste de l'État socialiste; ce concept tend essentiellement à résoudre, sur le terrain de l'idéologie, les contradictions inhérentes au système socio-économique du capitalisme; il est un des moyens idéologiques qu'on tâche d'appliquer pour éviter le changement du capitalisme. Le fondement objectif servant de base à l'établissement de la théorie du „Welfare State” réside dans les concessions que la bourgeoisie était contrainte d'accorder à la classe ouvrière, en raison des luttes menées par celle-ci.

L'auteur examine donc les bases objectives sur lesquelles s'étaient la théorie du „Welfare State” et les autres doctrines de ce genre, connues sous autres étiquettes. En premier lieu il s'occupe des fondements objectifs qui existent en Angleterre et qui ont donné lieu à la formation de la légende du „Welfare State”. La théorie du socialisme libéral est liée étroitement à la conception du „Welfare State”. L'auteur analyse le Plan Beveridge, la politique sociale du fascisme et fait connaître la lutte que les partis socialistes et ouvriers ont menée contre cette politique. Il démontre: la politique sociale capitaliste ne tire pas son origine de la générosité d'une classe ou de l'esprit magnanime de quelques personnes. Elle est soumise au principe de la rentabilité, exactement de la manière dont ceci se fait dans le domaine de la production.

II.

L'auteur passe en revue l'histoire du capitalisme et révèle par ce procédé l'hypocrisie de la classe des capitalistes de même que l'aspect véritable de sa politique sociale. Au XVe siècle déjà, l'expulsion de la population a pris, dans les pays de l'Europe occidentale, des dimensions extraordinaires, de sorte que les masses de paysans ruinés, réduits à la mendicité, au brigandage ou au vagabondage, ont envahi les routes. Les pays différents ont établi des lois draconiennes contre le vagabondage. Ces lois — sans être modifiées dans leur essence — restaient en vigueur jusqu'au début du XVIIIe siècle et ont formé ainsi les mesures les plus typiques de la politique sociale qui caractérise l'avènement du capitalisme. L'ouvrage fait connaître les différentes lois des pauvres approuvées en Angleterre. Au cours du XVIIIe siècle l'industrie est dominée par les machines. Un régime qui mettait obstacle à la liberté de migration des pauvres, portait atteinte à l'industrie, au commerce et à l'agriculture, dans la phase primitive de leur développement. Dans certaines régions du pays la pénurie de la main d'oeuvre s'est fait sentir, tandis qu'en autres endroits la population souffrait de la famine, à défaut de travail et de revenu. Cet état de choses ne pouvait plus se maintenir et on tâchait d'instituer un principe nouveau, sous forme du système des allocations (Allowance System). II

s'agissait de compléter, aux frais d'un fonds des pauvres, le salaire des ouvriers dont les traitements n'ont pas atteint le montant minimum indispensable pour assurer leur existence. Une nouvelle loi, entrée en vigueur en 1834, a supprimé le système des allocations. Les propriétaires fonciers cherchaient à se libérer des engagements qui leur incombaient en faveur des pauvres établis sur leur terrain; ils ont fait démolir les maisons habitées par les pauvres. Les ouvriers agricoles étaient donc contraints à déménager et à s'établir dans une des communes voisines, en choisissant une des municipalités appelées „ouvertes". L'encombrement des logis atteint dans les communes libres un degré inouï. La démolition des habitations est un phénomène que l'histoire de la Hongrie a également connu; l'auteur en publie plusieurs exemples.

III.

Vu le degré extrême de l'exploitation et la destruction déraisonnable de ce „moyen de production le plus indispensable" qu'est la main d'oeuvre, les capitalistes anglais les plus prévoyants ont commencé, à la fin du XVIIIe siècle, à exiger que celle-ci soit limitée. En raison de l'exploitation des enfants, il était à craindre que la mortalité très élevée de la jeune génération aura pour conséquence de priver l'industrie — en pleine développement — de la main d'oeuvre adulte indispensable. En effet, au début du XVIIIe siècle, les enfants travaillaient, malgré leur bas âge, 12 à 16 heures. L'auteur reprend les différentes lois ayant régi le travail des enfants. La limitation du travail des enfants à 12 heures comptait pour un progrès considérable. Les essais et suggestions d'Owen et de Lee n'ont pas trouvé d'adhérents. Il est arrivé souvent que même les lois qui n'avaient stipulé que des réformes sociales peu profondes, n'ont pas été exécutées. L'auteur étaye ses constatations de statistiques précises. Les différentes lois sur le travail dans les usines n'ont apporté aucun progrès notable. Outre la situation en Angleterre, l'ouvrage présente une vue d'ensemble sur la législation en Allemagne, en France et en Hongrie. La situation en Hongrie est analysée par lui en premier lieu et d'une manière approfondie.

IV.

Ce n'est qu'à partir de la fin du siècle dernier qu'on constate dans les pays industrialisés, l'institution d'une politique sociale de plus grande envergure, d'une politique dont l'étendue dépasse le domaine de la limitation de la durée du travail ou de la protection du travail des femmes et des enfants. On a instauré des oeuvres sociales particulières. Sans les progrès de la conscience de classe et de l'organisation du prolétariat, ceci n'aurait guère pu être réalisé. Il semble toutefois que l'intérêt de la classe des capitalistes a joué le rôle principal parmi les facteurs qui ont engendré ces progrès. Le partage relativement pacifique du monde venait d'être achevé et la lutte pour son nouveau partage s'engageait. L'État capitaliste comprit que l'ouvrier ne constitue pas seulement un des moyens de la production d'une plus-value, mais qu'il peut être transformé en chair à canon. L'acquisition des marchés nouveaux exige des armes et des soldats. Au point de vue militaire il est désirable qu'une dégradation rapide et successive de la population soit arrêtée. D'autres facteurs, de nature plus directe, sont intervenus en outre. La grève est pour les capitalistes une mesure dangereuse et coûteuse; il est donc beaucoup plus avantageux et plus efficace d'avoir quelques institutions sociales, dont les charges seront réparties d'ailleurs sur les travailleurs. Les propriétaires des usines installées à une certaine distance des grandes villes, c'est-à-dire ceux qui possèdent des usines éloignées de la masse des chômeurs, ont plus d'intérêt à ce que les ouvriers soient attachés à leur entreprises que les patrons établis dans une agglomération urbaine peuplée et qui bénéficient donc d'une réserve presque illimitée de la main d'oeuvre. Les premiers sont donc obligés de bâtir des habitations ouvrières, afin de pouvoir embaucher des ouvriers. Les caisses de pension ont également pour but de river les ouvriers à l'usine. L'auteur explique l'idée et le mode de réalisation de la „paix industrielle", favorisée aussi par les social-démocrates de la droite. A un moment donné est survenue la conception du „parlement de l'usine" constitution-

nalisée. En réalité ces parlements ou conseils d'usine ne possèdent qu'un pouvoir factice, supprimé aussitôt qu'on tâcherait de porter atteinte aux bénéfices des capitalistes.

V.

Les ouvriers ont compris dès le début que l'union des forces est leur seul moyen de se protéger contre le chômage et contre la misère qui en est la conséquence. L'étude donne un aperçu sur l'activité d'entraide des mineurs hongrois, sur les caisses autonomes des ouvriers mineurs, sur les différentes sociétés d'assistance mutuelle, la législation sur les assurances sociales ainsi que sur les problèmes sociaux surgis en Hongrie pendant la période entre les deux guerres mondiales. A ce propos l'auteur s'occupe en outre de la politique sociale des différents régimes fascistes.

VI.

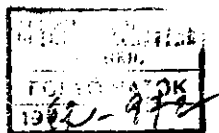
La législation sociale n'était pas le facteur unique ayant contribué à la formation de la théorie dite du Welfare State; d'autres éléments ont contribué aussi à ce que l'Etat bourgeois-impérialiste de nos jours se soit dissimulé sous le masque du „bien-être”. A côté de la législation sociale de l'Etat bourgeois, les facteurs objectifs ayant contribué à mettre de l'accent sur le caractère „social” de l'Etat étaient les suivants: l'élargissement de la sphère d'action économique de l'Etat bourgeois, — l'intervention toujours croissante de celui-ci dans l'économie, l'intensification accentuée de la tendance au capitalisme monopoliste d'Etat. Les statistiques citées par l'auteur détruisent les thèses qui affirment que l'Etat capitaliste serait un Etat „social”. Il montre d'ailleurs le caractère, antisocial du système fiscal du régime capitaliste, caractère antisocial qui se manifeste aussi dans le domaine de la politique des crédits.

Pendant qu'une publicité éclatante est donnée à la conception du „Welfare State”, la question se pose au sein des milieux scientifiques bourgeois, si l'intervention de l'Etat bourgeois dans l'économie connaît des limites, si l'Etat bourgeois est vraiment tout-puissant? Cette question provoque des réactions très variées de la part des différents groupes de la classe des capitalistes: de la part de la bourgeoisie des monopoleurs et de la petite bourgeoisie ou de la bourgeoisie moyenne. Les capitalistes monopoleurs se servent de l'Etat. La petite bourgeoisie, ainsi que la bourgeoisie moyenne exige que l'action du „Welfare State” soit limitée et proteste contre la possibilité d'une attaque éventuelle du „Welfare State” contre la propriété privée, contre le statut légal existant. Dans cet ordre d'idées elle tend à unir le „Welfare State” et „l'Etat constitutionnel”, en déclarant que le „Welfare State” ne pourra pas enfreindre les limites de l'ordre légal ou porter atteinte aux droits et à la liberté établis par le statut légal existant. Pendant que les théoriciens bourgeois étudient cette question, les idéologues du socialisme droitier s'efforcent à analyser les corrélations entre le „Welfare State” et le socialisme. Ils préconisent l'idée que la société capitaliste peut se transformer en société „socialiste” et que c'est le „Welfare State” qui assure cette transformation. En réalité, les traits qui caractérisent effectivement le „Welfare State”, c'est-à-dire l'Etat et la société bourgeoise, sont le parasitisme et la pourriture. L'auteur cite plusieurs exemples pour vérifier cette thèse; il rappelle ensuite l'importance de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre au point de vue des progrès socialistes. •

VII.

Le principal critère de la crise générale du capitalisme est la scission du monde en deux régimes et la lutte engagée entre ces deux systèmes: entre le capitalisme agonisant et le socialisme en évolution. Grâce à la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, l'Union Soviétique — le premier Etat socialiste du monde — a pris naissance. Après la première guerre mondiale le monde s'est divisé en deux parties:

dans l'Union Soviétique — pays qui représente une sixième partie du monde entier — le régime socialiste s'est établi, tandis que dans les autres parties du monde le système capitaliste s'est maintenu. L'époque de la crise générale du capitalisme est l'époque de la lutte incessante entre des deux régimes. L'Union Soviétique a fait tout son possible afin que cette lutte soit menée — conformément aux principes léniniens — avec des moyens pacifiques. Au cours de la rivalisation pacifique des deux régimes, la supériorité de l'Union Soviétique est de plus en plus marquée par rapport au capitalisme agonisant. Le peuple soviétique — bénéficiant des avantages de la planification socialiste — a réussi de mener au triomphe le drapeau du socialisme, en paix aussi bien que pendant la Guerre Patriotique. Ce fut la supériorité de la société socialiste qui a assuré à l'Union Soviétique de sortir victorieuse et affermie des péripéties de la seconde guerre mondiale. Les succès obtenus dans l'économie populaire de l'U. R. S. S. ont permis que le niveau culturel dont bénéficient les peuples soviétiques soit augmenté successivement. Sous la lumière des résultats réalisés à l'U. R. S. S. la pourriture du capitalisme agonisant se dessine plus nettement. L'édification victorieuse du socialisme et du communisme dans l'Union Soviétique et dans les États démocratiques populaires aggrave dans les pays capitalistes les antagonismes entre les ouvriers et les capitalistes. Les ouvriers voient que le socialisme est réalisable en pratique, qu'il existe à l'heure actuelle un pays où l'exploitation, le chômage et les crises sont inconnus. Les peuples coloniaux s'inspirent également des résultats obtenus en U. R. S. S., ce qui les encourage à lutter pour leur libération. Le „Welfare State", c'est-à-dire l'État impérialiste est une notion qui n'a rien de commun avec l'État socialiste; c'est ce dernier qui tend réellement à assurer le bien-être véritable et constant du peuple entier.

Fasc. 4. Bárdosi István: *A fellebbviteli rendszerek kérdéséhez a polgári eljárásban* (Szeged, 1958.) 26 l.

Fasc. 5. Pólay Elemér: *Három munkabérszerződés a római Dáciából* (Szeged, 1958.) 38 l.

Fasc. 6. Georges Antalfy: *La démocratie antique et les penseurs avant Socrate (Extrait)* (Szeged, 1958.) 42 l.

Tomus V.

Jogi tanulmányok dr. Buza László egyetemi tanár, akadémikus, oktatói működésének 50. évfordulójára (Szeged, 1958.) 369 l.

Fasc. 1. Georges Antalfy: *Les relations internationales de l'Athènes esclavagiste* (Szeged, 1958.) 13 l.

Fasc. 2. Both Ödön: *Szemere Bertalan belügyminiszter nemzetiségi politikája 1848 nyarán* (Szeged, 1958.) 22 l.

Fasc. 3. Bólya Lajos: *A tárgyalás bírósági előkészítésének formáiról, alanyairól és egyes eljárási szabályairól a büntető eljárásban* (Szeged, 1958.) 25 l.

Fasc. 4. Hajdú Gyula: *Kolonializmus és neutralizmus* (Szeged, 1958.) 18 l.

Fasc. 5. Herczegh Géza: *A pozitívizmus kérdése a mai nemzetközi jogtudományban* (Szeged, 1958.) 16 l.

Fasc. 6. Horváth Róbert: *A nemzetközi statisztikai együttműködés kifejlődése* (Szeged, 1958.) 23 l.

Fasc. 7. Kovács István: *A magyar közjogi pozitívizmus és Buza László első monográfiái* (Szeged, 1958.) 19 l.

Fasc. 8. Maday Pál: *Arendás jobbágyságok szerződés formulái a mindszent-ánnyási uradalomban* (Szeged, 1958.) 23 l.

Fasc. 9. Martonyi János: *A közszolgálati jogviszony keletkezése* (Szeged, 1958.) 28 l.

Fasc. 10. Nagy Károly: *Az analógia és a joghézag kérdései a nemzetközi jogban* (Szeged, 1958.) 26 l.

Fasc. 11. Ladislaus Nagy: *Das Arbeitsrechtsverhältnis als Voraussetzung der arbeitsrechtlichen materialien Verantwortlichkeit* (Szeged, 1958.) 20 l.

Fasc. 12. Papp Ignác: *Az állam meghatározása és a nemzetközi jog* (Szeged, 1958.) 32 l.

Fasc. 13. Elemér Pólay: *Il carattere e luogo delle regole delle relazioni inter-statali nel sistema del diritto Romano* (Szeged, 1958.) 27 l.

Fasc. 14. Joseph Szabó: *Development of the control system in the hungarian financial law* (Szeged, 1958.) 45 l.

Fasc. 15. Vitányi Béla: *Az államnak más állam joghatósága alóli mentességére vonatkozó elméletek* (Szeged, 1958.) 17 l.

Tomus VI.

Fasc. 1. Szabó József: *A költségvetési jog elvi kérdései* (Szeged, 1959.) 56 l.

Fasc. 2. Balázs József: *Egy adalék a magyar népességtudomány történetéhez: Balás Károly népességtudományi nézetei* (Szeged, 1959.) 20 l.

Fasc. 3. Szűcs István: *A szabálysértés intézményének egyes kérdései* (Szeged, 1959.) 24 l.

Fasc. 4. Horváth Róbert: *A Magyar Tanácsköztársaság statisztikai koncepcióiról*

Fasc. 5. Можеф Верен: *Сельскохозяйственные производственные кооперативы Венгерской Советской Республики* (Cered 1960.) стр. 18.
(Szeged, 1960.) 16 l.

Fasc. 6. Simonyi Sándor: *A munkajogviszony elhatárolása a munkavégzéssel kapcsolatos polgári jogviszonyoktól* (Szeged, 1960.) 36 l.

Tomus VII.

Fasc. 1. Both Ödön: *Küzdelem az esküdtbíráskodás bevezetéséért Magyarországon a reformkorban és az 1848. április 29-i esküdtzéki rendelet* (Szeged, 1960.) 60 l.

Fasc. 2. Pólay Elemér: *Jogrendszerek az ókori Rómában* (Szeged, 1960.) 42 l.

Fasc. 3. Nagy Károly: *Délnyugat-Afrika nemzetközi jogi helyzete* (Szeged, 1960.) 20 l.

Tomus VIII.

Fasc. 1. Buza László: *Az ENSZ főtthkárának nemzetközi jogi helyzete* (Szeged, 1961.) 30 l.

Fasc. 2. Kemenes Béla: *A szerzôdések szabályozásának elvi kérdései a Polgári Törvénykönyvben* (Szeged, 1961.) 72 l.

Fasc. 3. Balázs József: *A mezôgazdasági termelôszövetkezetek jövedelemrészesedése* (Szeged, 1961.) 20 l.

Fasc. 4. Pólay Elemér: *A római birodalmi jog és a peregrin jog kölcsönhatásának jelei az erdélyi viaszostáblák okiratanyagában* (Szeged, 1961.) 27 l.

Fasc. 5. Horváth Róbert: *Megemlékezés az első népességtudományi mű megjelenésének 200 éves évfordulójáról: Süßmilch »Isteni Rend«-jéről* (Szeged, 1961.) 29 l.

Fasc. 6. Maday Pál: *A gyulai uradalom polgári perrendtartása 1792-ből* (Szeged, 1961.) 20 l.

Fasc. 7. János Martonyi: *Les sciences administratives en Hongrie depuis 1945* (Szeged, 1961.) 32 p.

Fasc. 8. Szücs István: *A hatáskörök általános rendezésének néhány kérdése a tanácsi igazgatásban* (Szeged, 1961.) 23 l.

Fasc. 9. Tokaji Géza: *Az okozati összefüggés kérdése a szocialista büntetőjogban* (Szeged, 1961.) 36 l.

Fasc. 10. Дьердь Анталфи: *Материалы из практики капитализма к теории государства «благоденствия»* (Szeged, 1961.) стр. 39.

Tomus IX.

Fasc. 1. Szentpéteri István: *A közvetlen demokratikus formák sorsa a burzsoá állami fejlődésben* (Szeged, 1962.) 74 l.